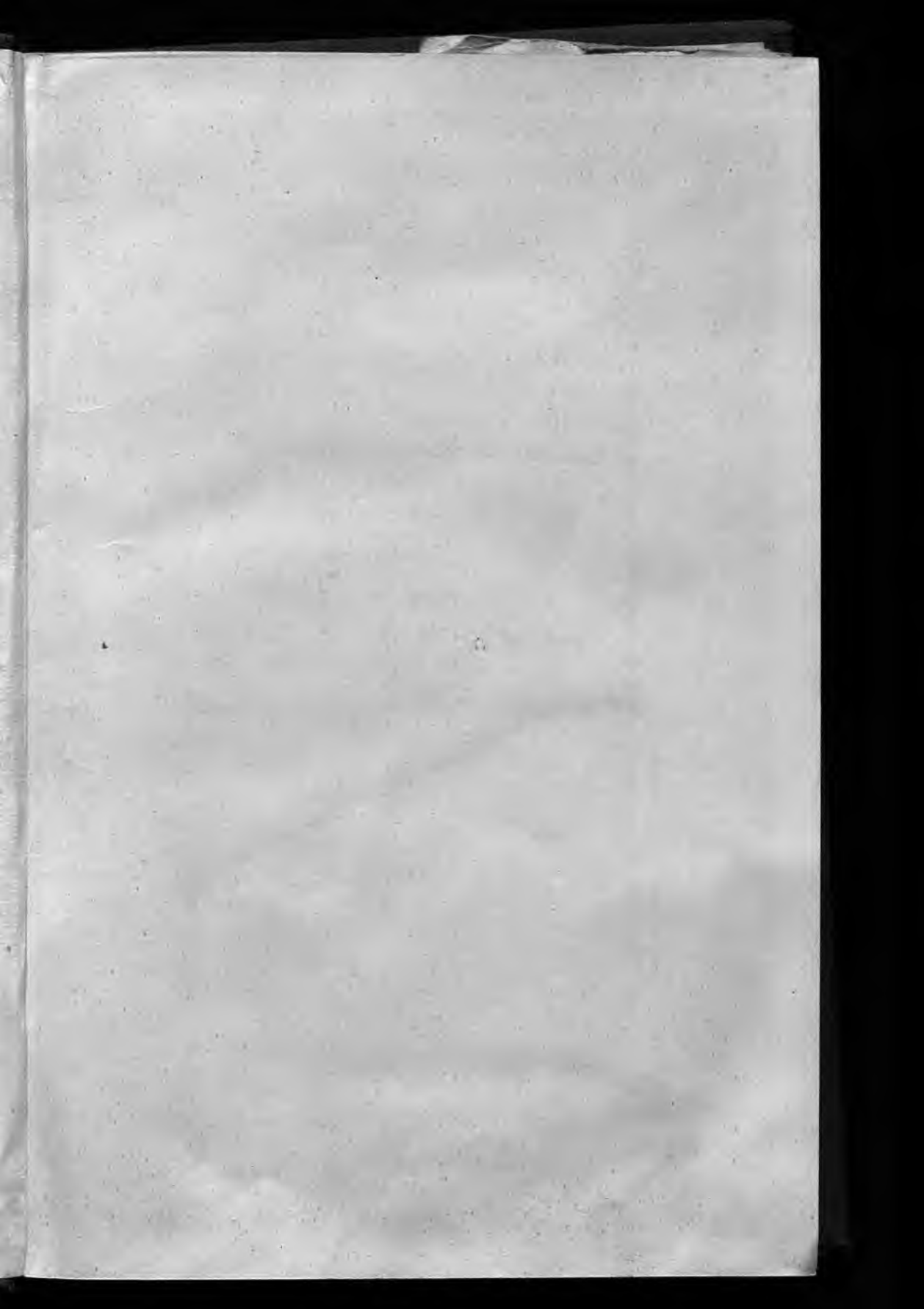

Д. М. ЛЕБЕДЕВ

ГЕОГРАФИЯ
В РОССИИ
ПЕТРОВСКОГО
ВРЕМЕНИ

b

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

15 0 1

26.8
Л-33

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

СЕРИЯ «ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ»

*

Д.М. ЛЕБЕДЕВ

ГЕОГРАФИЯ В РОССИИ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Ирбитенная Центральная
Городская
Библиотека

муниципальное казенное учреждение
культуры Муниципального
образования город Ирбит
«Библиотечная система»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · 1950 · Ленинград

Под общей редакцией Комиссии АН СССР
по изданию научно-популярной литературы
и серии „Итоги и проблемы современной науки“

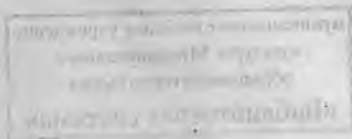
Председатель Комиссии президент АН СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корреспондент АН СССР *П. Ф. ЮДИН*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

академик *А. А. Григорьев*

и член-корреспондент АН СССР *А. В. Ефимов*

813

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена характеристике русских географических знаний петровского времени. Она написана в общем по тому же плану, что и «География в России XVII века допетровской эпохи».¹

Петровскому времени посвящена обширная литература. В том числе много весьма ценных советских исследований касается и вопросов развития географии в России этого периода. Но основным содержанием их, за редким исключением, является характеристика картографии, географических открытий и путешествий. Между тем, как это уже подчеркивалось в работе, посвященной географии XVII в.,² область проявления русской географической мысли в то время была гораздо шире. В петровское же время ее границы еще более раздвинулись.

Общезвестно, что Петр I боролся с культурной отсталостью страны и принимал энергичные меры к насаждению и распространению наук вообще и географических в особенности. При Петре I были созданы научно подготовленные кадры топографов, проводились в широких масштабах геодезические и картографические работы, издавались карты и географическая литература, организовывались экспедиции с научными целями. При нем и вскоре после его смерти вышли выдающиеся сочинения, содержащие важные географические сведения и рассматривающие серьезные проблемы географического характера.

Сложившаяся в петровское время историческая обстановка требовала большого объема конкретных знаний о природных и хозяйственных особенностях отдельных территорий страны, а также и о географии некоторых зарубежных государств. В России конца XVII — начала XVIII в. таких

¹ Д. М. Лебедев. География в России XVII века (допетровской эпохи). М.—Л., 1949 (см. предисловие к этому изданию).

² Там же.

знаний было, конечно, далеко не достаточно, хотя все же значительно больше, чем это обычно представляют.

Исторически обусловленное стремление Петра I к выходам в Балтийское и Черное моря, к укреплению положения на Каспии и на Дальнем Востоке, а также стремление к расширению торговли с Востоком и Западом, вызывало не только соответствующие военные походы и исследовательские экспедиции, но и появление массы официальных документов разнообразного и, в первую очередь, учетного характера, содержащих ценные географические данные.

Богатый географический материал содержат официальные документы, касающиеся поисков полезных ископаемых, выбора мест для создания новых предприятий и вообще вопросов, связанных с развитием промышленности в России. Строительство каналов и дорог, вызываемое военными и хозяйственными мероприятиями, также дает обильный материал для интересующей нас темы. Наконец, очень большой интерес представляет проведенное административное районирование страны.

Геодезические и картографические работы и экспедиции, на которых до сих пор было сосредоточено основное внимание исследователей, являются, конечно, очень важной, однако, как видим, далеко не единственной частью истории русской географии.

Необходимо рассмотреть под определенным углом зрения, хотя бы в самых общих чертах, помимо важнейших материалов, относящихся непосредственно к картографии и экспедициям (осуществленным и задуманным), также и многочисленные учетные ведомости, доклады, проекты, «распросы», «статейные списки», законодательные постановления и другие официальные, административные и дипломатические документы. Многие из них говорят не только о наличии большого количества необходимых географических сведений, но и об известном умении рационально их использовать.

Необходимо также кратко рассмотреть мероприятия по подготовке кадров, призванных проводить работы по картографическому изучению России, мероприятия по распространению географических знаний среди населения, наконец, литературные произведения, носящие более или менее резко выраженный географический характер. Только такой комплексный подход к проблеме в целом может дать более правильное и полное представление о развитии русских географических знаний в рассматриваемый период.

В связи с общим характером настоящей работы мы поставили себе задачу при описании экспедиций времени Петра I обращать внимание не только на ход самого путешествия и

его результаты для науки, но и на организационную сторону — инструкции, наказы и т. п., а также на характер официальных отчетов самих участников. Этот метод дает возможность полнее осветить цели, ставившиеся перед исследователями, выявить, какие элементы природы и стороны жизни населения, его хозяйства и быта привлекали особое внимание как организаторов, так и исполнителей отдельных предприятий.

Работа содержит много дословных выдержек и подробных изложений документов, заимствованных из опубликованных первоисточников или из научных сочинений, ставших редкостью. Это дает более яркое представление об историческом колорите эпохи, а также может послужить некоторым материалом для последующих исследований в данной области.

Широта поставленной задачи — дать общую комплексную характеристику состояния географии в России петровского времени, естественно, принуждает: 1) ограничиться освещением лишь ее основных, главнейших черт, не касаясь более второстепенных подробностей, хотя бы последние и представляли, сами по себе, значительный интерес; 2) не приводить биографических сведений (за исключением самых кратких) об отдельных путешественниках и деятелях в области географии и 3) ограничиться использованием весьма многочисленных опубликованных документов и литературных сочинений, прибегая к архивным данным лишь в отдельных случаях. Широкое привлечение архивных материалов, конечно, могло бы углубить разработку отдельных вопросов, более или менее второстепенных с точки зрения отмеченных выше задач, но едва ли сколько-нибудь существенно изменило бы общую характеристику состояния географических знаний того времени. Между тем это неизбежно задержало бы на очень долгий срок окончание работы.

Что касается хронологических рамок петровского времени, то, по существу, они не могут быть ограничены точно 1725 годом.¹ В частности, ряд мероприятий и работ географического характера ближайшего после смерти Петра I периода, когда живы были его главные соратники, необходимо, в большей или меньшей степени, отнести к петровскому времени.

¹ Петр I родился в ночь на 30 мая 1672 г. В 1682 г. Боярская дума, по требованию стрельцов, провозгласила царями Петра и его брата Ивана, передав правление до их совершеннолетия царевне Софье. 7 сентября 1689 г. прекратилась опека Софьи, но двоевластие формально продолжалось вплоть до смерти в 1696 г. царя Ивана.

В первые годы этого переходного периода еще не было полного сосредоточения власти в руках Петра I, и фактическое правление находилось у группы бояр Нарышкиных. Царствование Петра I продолжалось до 28 января 1725 г. — дня его смерти.

Таковыми, например, являлись труды Ивана Кирилловича Кирилова и Василия Никитича Татищева, первая Камчатская экспедиция, которая была задумана Петром I и начала осуществляться по его приказу, а также и некоторые другие.

Однако детальное рассмотрение этих крупнейших событий из истории русской географии и картографии потребовало бы специального исследования и особых обширных монографий. Поэтому основной конечной хронологической датой настоящей работы принят 1725 год, и лишь кое-где даются краткие сведения о более поздних фактах.¹

¹ Все даты, приводимые в настоящей работе, указаны по старому стилю.

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем перейти к рассмотрению состояния географии в России в петровское время, остановимся кратко на важнейших чертах политико-экономической обстановки рассматриваемого периода. Не касаясь далеко выходящего за пределы нашей темы вопроса о различных направлениях в оценке деятельности Петра I и его времени, укажем лишь на основные положения, твердо установленные в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Внутренняя и внешняя политика Петра I сводилась к стремлению осуществить цели, поставленные перед Русским государством в конце XVII в. всей его предыдущей историей: подъем уровня экономического развития страны, отстаивание национальной независимости, закрепление на морских побережьях, особенно на Балтийском, укрепление национального государства помещиков и торговцев, подъем культурного уровня населения.

По словам К. Маркса, «Ни одна великая нация не существовала и не могла существовать в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого... Россия не могла оставить в руках шведов устье Невы, которое являлось естественным выходом для сбыта продукции»,¹ так же как устья Дона, Днепра и Буга и Керченского пролива в руках кочевников-татар.

Что касается абсолютистского государства Петра I, то, по словам В. И. Ленина: «Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой

¹ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в., гл. VI. Цитировано по книге «История СССР», т. I. С древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. акад. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1947, стр. 546.

половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов». ¹ Чиновниче-дворянская монархия Петра I безусловно являлась лишь формой абсолютной феодальной монархии, в которой при наличии зарождающейся буржуазии сохранялось господство дворян-крепостников.

Личность самого Петра I получила в трудах классиков марксизма-ленинизма также вполне определенное освещение. Как известно, Ф. Энгельс, сравнивая его с западноевропейскими государями, считал, что «этот действительно великий человек, — великий совсем не так, как Фридрих «Великий», послушный слуга преемницы Петра, Екатерины II, — первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше..., так и по отношению к Германии». ²

В двух листовках петербургского большевистского комитета, выпущенных к празднованию 200-летия столицы, говорится о том, что Петр I «сумел прорубить окно в Европу», он назван «умным и сильным человеком», который «принес немало пользы для своего времени». Вместе с тем в листовках подчеркивалось усиление при нем царского деспотизма и порабощения народа. ³

В. И. Ленин, отмечая прогрессивное значение осуществляемых Петром I реформ, указал вместе с тем, что: «...Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства». ⁴

И. В. Сталин указал на прогрессивный характер петровских реформ, являвшихся попыткой преодолеть вековую отсталость страны, и отметил их классовый характер: «Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости. Вполне понятно, однако, что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны». ⁵

В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом И. В. Сталин говорил: «Петр Великий сделал много для воз-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 17. Изд. 4-е, стр. 117.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 2. 1936, стр. 12.

³ Листовки петербургских большевиков 1902—1917, т. I. Л., Госполитиздат, 1939, стр. 88—89.

⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 27. Изд. 4-е, стр. 307.

⁵ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, стр. 359.

вышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры».¹

В области экономики Петр I проводил активную политику меркантилизма, применявшуюся также и во многих западноевропейских странах XVII — XVIII вв., видоизменяя, однако, ее применительно к российским условиям. Ее суть, как известно, заключалась в удержании денег внутри страны, в предоставлении различных преимуществ, ссуд и т. п. промышленным и торговым предприятиям, наряду с их мелочной опекой, в повышении пошлин на ввозные товары, в принятии мер по развитию сельского хозяйства — с тем, чтобы все эти мероприятия привели к превышению в ценностном выражении вывоза над ввозом. В результате к концу царствования Петра I вывоз составлял 4200 тыс. рублей, а ввоз только 2100 тыс. рублей, т. е. был в два раза меньше.²

Характеристика конкретного состояния экономики петровского времени и изучение географического размещения отдельных отраслей народного хозяйства в прошлом должны быть предметом истории и исторической географии, но не истории географических знаний. Задача настоящего краткого обзора состоит лишь в том, чтобы отметить основные черты экономических мероприятий феодально-крепостнической России времен Петра I, получить представление о предпосылках развития географии в России конца XVII — первой половины XVIII в.

Напомним, что в течение почти всего своего царствования Петр I, осуществляя исторически необходимые цели, поставленные перед Россией, вел почти непрерывные войны на западе и востоке, приведшие к территориальному расширению государства.

«Из 35 лет своего царствования он 25 лет воевал, борясь за выходы к морям, за возвращение исконных русских земель».³ Войны эти предъявляли повышенные требования

¹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1937 г. М., 1938, стр. 3.

² История СССР, т. I. С древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. акад. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1947, стр. 555.

³ Б. С. Тельпуховский. Северная война 1700—1721 гг. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946, стр. 13.

к различным отраслям народного хозяйства, заметно влияя и на его географическое размещение.

Так, например, уже в 1695 г. начался первый азовский поход. Для осады Азова был необходим флот. И вот, всю зиму на созданных специально для этого у Воронежа верфях, работали тысячи людей из различных уездов и городов, собирая корабли из готовых частей, доставлявшихся с лесопильных мельниц подмосковного села Преображенского. Весной по Дону прошли первые русские военные суда. Для взятия турецкой крепости Керчь потребовался более мощный флот. Работы воронежской верфи сильно расширились, организовались специальные компании — «кумпанства» (по указу в ноябре 1696 г.). Так создавался новый промышленный центр в районах, прилегающих к Воронежу, возникали различные хозяйственные связи его с Подмосковьем. Попытка пробиться к Черному морю привела к оставлению за Россией (по перемирию 13 июля 1700 г.) Азова и его окрестностей, в которых также шло усиленное строительство военных гаваней (в Таганроге и Троицке).

Но перед Русским государством стояла другая, еще более важная задача — получить доступ к побережью Балтики. Путь к Балтике преграждала Швеция. В ожидании предстоящей войны со шведами Петр поспешил обеспечить себе безопасность на юге 30-летним перемирием с турками и вскоре по получении известия об этом объявил 19 августа 1700 г. войну Швеции. Так началась важнейшая в истории России времени Петра I Северная война, окончившаяся 30 августа 1721 г. Ништадтским миром, по которому Эстляндия, Лифляндия, Ингрия и Карельский перешеек с городами Выборгом и Кексгольмом отошли к России. Россия стала твердо на побережье Балтийского моря. Уже в первые годы войны, после взятия 1 мая 1703 г. небольшой шведской крепости Ниеншанц, на берегу Невы 16 мая произошла закладка нового города — Санкт-Петербурга или, как часто называл его Петр I, Питербурха.

К. Маркс придавал созданию этого города огромное значение для внешней политики Петра I. «Он воздвиг новую столицу на первом завоеванном им куске Балтийского побережья, почти на расстоянии одного пушечного выстрела от границы, умышленно дав таким образом своим владениям эксцентричный центр. Перенести царский трон из Москвы в Петербург значило поместить его в такие условия, в которых он не мог быть обеспечен даже от нападений до тех пор, пока все побережье от Ливавы до Торнео не было покорено, что было завершено лишь в 1809 году завоеванием Финлян-

дни. Петербург, эксцентричный центр империи, сразу указывал на периферию, которую еще надо было завоевать».¹

Постройка нового города и особенно перенесение туда столицы имели своим последствием большие сдвиги в географии отдельных районов страны, в первую очередь — в размещении промышленности и в изменении направления грузопотоков внешней и внутренней торговли, а также в строительстве дорог и каналов. В то же время начавшаяся война предъявила повышенные требования к промышленности в отношении обеспечения армии и усиленно строящегося флота, тем более что Россия лишилась возможности приобретать хорошее шведское железо, пушки и ружья.

«Заводы центра,— пишет П. Г. Любомиров,— в начале Северной войны, не устранившись целиком от поставок Воронежу, по крайней мере в первые годы, должны были принять на себя военное снабжение армий на других фронтах, удовлетворение разных других потребностей государства и растущего спроса страны и прежде всего ближайших к ним областей... И мы видим появление в старом районе металлургии новых чугунолитейных и железоделательных предприятий».²

Война способствовала развитию в первой четверти XVIII в. металлургических и металлообрабатывающих заводов и в северо-западном крае, явившись, таким образом, одной из причин изменений в географическом размещении промышленности. П. Г. Любомиров подчеркивает, что близость к Балтийскому морю, из-за которого и на котором так долго шла война, близость к верфям, строившим Балтийский флот, к старым и новым крепостям этого района, а также удобство сообщения со столицей должны были сделать рудоносные районы северо-запада России базой, поставлявшей требующиеся в большом количестве железные и чугунные изделия, орудия, оружие и пр.³

После полтавской победы Петр I предъявил Турции ультиматум, требуя выдачи Карла XII. Турция, по совету австрийского и французского послов, отказалась удовлетворить это требование и 20 сентября 1710 г. объявила войну России. Война закончилась для России неудачей, уступкой Турции Азова и срытием укреплений в Таганроге и на Днестре. Россия снова оказалась отрезанной от Азовского моря, что, естественно, отразилось как на ее общей экономике, так и на значении отдельных районов в хозяйстве страны.

¹ К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в. Цитировано по «Истории СССР», т. I. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1947, стр. 549.

² П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. М., 1947, стр. 317.

³ Там же, стр. 328.

Вопросы транзитной торговли с Востоком, в особенности торговли шелком, издавна имели громадное значение для России. В связи с этим, а также в связи с более широкими политическими планами, Петр I, стремясь на Запад, никогда не упускал из своего поля зрения мероприятий, могущих привести к укреплению России в Средней Азии и Персии. Первое направление привлекало его также и в качестве возможного пути в Индию, а равно и в связи со слухами о значительных залежах там «песошного», т. е. россыпного золота. Посланные в Среднюю Азию военные экспедиции Бековича-Черкасского, Бухгольца, Лихарева, о которых подробно будет говориться дальше, не дали желаемых результатов.

«Еще в 1717 г., — писал Ф. Энгельс, — этот дальновидный монарх, начертавший своим преемникам всевозможные направления для завоеваний, отправил экспедицию против Хивы, — конечно, потерпевшую неудачу». ¹ (Здесь подразумевается поход Бековича-Черкасского). Но походы эти дали очень ценный материал для географического изучения Средней Азии и привели к некоторому продвижению русских границ на юг.

Выбрав удачный момент для вмешательства, Петр I начал в 1722 г. войну против Персии, встретившую, между прочим, поддержку у закавказских государств — Армении и Грузии, испытывавших персидское иго (например, картлийский царь Вахтанг VI даже предлагал Петру I сорок тысяч человек войска. Однако осуществить это предложение не удалось). Война закончилась 12 сентября 1723 г. миром, заключенным в Петербурге, по которому Персия уступала России западное и южное побережья Каспия с Баку, Дербентом, Астрабатом и провинциями Гилян и Мазендеран.

Такова краткая характеристика петровских войн и их значения для страны.

Остановимся теперь кратко на основных моментах состояния экономики России в рассматриваемый период.

Петровское время, как известно, характеризуется большим прогрессом промышленного развития России. Помимо возникновения многочисленных новых отраслей промышленности и общего роста строительства различных предприятий, произошло изменение в соотношении отдельных типов промышленных предприятий — возросло значение мануфактур. Мануфактура возникла в России еще задолго до Петра I. Однако в допетровское время число подобных предприятий и роль их

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XI, часть 1. 1933, стр. 363.

в общем промышленном производстве были гораздо ниже, а сами предприятия по объему мельче. В первой четверти XVIII в. значительная часть мануфактур имела централизованный характер, как это подчеркнул П. Г. Любомиров в своих «Очерках по истории русской промышленности». Этот вывод считают обоснованным также и Е. И. Заозерская и Б. Б. Кафенгауз, специально занимающиеся историей промышленности при Петре I.¹

Широко известная общая цифра мануфактур петровского времени — 233, данная И. Кириловым,² подвергается советскими исследователями сомнению. Академик В. И. Пичета³ насчитывает их к концу царствования Петра I около 200. Е. И. Заозерская, специально исследовавшая данный вопрос и составившая список мануфактур, говорит, что «...в настоящее время можно с уверенностью назвать 200 мануфактур, возникших при Петре».⁴ Однако весьма вероятно, что дальнейшие исследования в этой области позволят несколько увеличить указанную цифру и приблизить ее к названной Кириловым.

Из общего числа заводов и фабрик 43% возникло на казенные и 57% на частные средства. 70 предприятий из этой общей цифры (200) приходится на металлургические и металлообрабатывающие, 32 — на текстильные, 17 — на пороховые заводы, 17 — на пильные мельницы. Остальные 64 — на кожевенную, стекольную, бумажную и силикатную промышленности.⁵ Как видим, главное внимание уделялось металлургии с металлообработкой и текстилю.

Стремление избавиться от иностранной зависимости и обеспечить армию необходимым ей военным снаряжением и одеждой, естественно, должно было направить главное внимание на эти отрасли, а также на судостроение. «К концу царствования Петра I Балтийский флот насчитывал в своем составе 35 больших линейных парусных кораблей, 10 фрегатов

¹ Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 36; Б. Б. Кафенгауз. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки. В книге «Петр Великий. Сб. статей под ред. А. И. Андреева», т. I, М.—Л., 1947, стр. 363.

² И. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий. М., 1831.

³ В. И. Пичета. Торговая и промышленная политика в России.— Книга для чтения по истории нового времени, т. 2. М., 1911, стр. 617.

⁴ Е. И. Заозерская. Там же, стр. 9.

⁵ Там же, стр. 27. Автор называет 70 предприятий из общей цифры 200 металлургическими. Однако правильнее отнести их как к металлургической, так и к металлообрабатывающей промышленности, так как многие из них, помимо плавки руды, занимались в той или иной степени и обработкой металла.

и около 200 галерных (гребных) судов с 28 тысячами матросов, набранных из крестьянского населения, жившего по берегам больших рек». ¹ Известный указ 16 января 1712 г., положивший, по существу, начало развитию крупной русской текстильной промышленности, в числе других пунктов гласил: «...завод суконной размножать не в одном месте, так, чтоб в пять лет не покупать мундиру заморского, а именно, чтобы не в одном месте завести, а заведчи, дать торговым людям, собрав кампанию, буде волею не похотят, хотя в неволю, а за завод деньги брать погодно с легкостью, дабы ласково им в том деле промышлять было». ² Слова этого указа вообще очень характерны для манеры действий Петра I, не останавливавшегося перед прямым принуждением в области организации промышленности, но старавшегося затем создать благоприятные условия для предпринимателей.

В нашу задачу не входит описание и даже перечисление всех новых промышленных отраслей, созданных при Петре I. Отметим лишь, что исследуемое время характеризуется очень значительными сдвигами в этой области. В качестве примера укажем, что в 1707 г. на Воробьевых (ныне Ленинских) горах под Москвой был впервые построен зеркальный завод. Производство это было, как известно, не только новым для русских людей, но и весьма сложным по своей аппаратуре и технологическому процессу. 1 февраля 1720 г. последовал именной указ об организации зеркального завода на Украине: «...зеркальные, стеклянные заводы завести в Киеве в пристойном месте и на тех заводах делать зеркальные стекла и стеклянную посуду и для того мастеров иноземцев и русских людей отправить и инструменты... кои ныне в Москве на Воробьевских заводах налицо». ³ Неизвестно, чем фактически кончилось это дело. В перечне мануфактур, приведенном Е. И. Заозерской, такого завода не указано.

Новой отраслью являлась химическая промышленность. «При Петре организуется первое в России предприятие, которое мы вправе называть химическим заводом, так как на нем изготовлялся относительно широкий ассортимент химических продуктов и для того времени в больших количествах». ⁴ Дело идет о заводе Савелова и Томилиных,

¹ История СССР, т. I. С древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. акад. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1947, стр. 560.

² Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (сокращенно П. С. З.), т. IV, § 2467.

³ П. С. З., т. VI, § 3504.

⁴ П. Лукьянов. Роль Петра Великого в организации химического производства в России.— Вопросы истории. 1947, № 6, стр. 80.

построенном в Московском уезде на основании жалованной грамоты, выданной Петром I в 1718 г.

Интересно отметить, что, несмотря на наличие иностранных мастеров, в химическом производстве в России петровского времени работали русские специалисты. Они содействовали развитию новой отрасли народного хозяйства, которую мы теперь называем химической промышленностью.¹

По существу, новой отраслью являлась и медная крупная промышленность, так как в России допетровского периода в этой области были лишь отдельные и весьма мало удачные попытки. При Петре I было создано несколько мануфактур по выплавке и частью обработке этого металла: в Олонецком уезде (мануфактуры, возникшие на грани XVII и XVIII вв.); завод Тряпицина (1720 г.) на р. Давидовке Казанского уезда; Саралинский (1724 г.) на р. Сарали того же уезда и главным образом предприятия на Урале и в прилегающих к нему районах. Е. И. Заозерская приводит в своем списке 10 таких мануфактур, в том числе две около Кунгура, шесть — в Верхотурском уезде, одну — «в Перми Великой» на р. Яйве.²

Совершенно новым производством был сахарный завод, основанный иностранной компанией в 1719 г. в Петербурге. Сахар-сырец выписывался из-за границы. Выделяли «рефенад», продававшийся по 8 руб., и «милис» (песок) по 6 руб. за пуд.

Не надо забывать, что, уделяя преимущественное внимание крупному производству, Петр I принимал меры и для развития различных ремесел, которые увеличивали общие размеры изготавливаемой в России продукции.

Наряду со значительным общим ростом предприятий и отдельных отраслей промышленности произошли крупные изменения в хозяйственном значении отдельных районов: изменилась относительная роль старых, возникли новые районы.

Для примера можно указать на появление совершенно нового значительного центра во вновь созданной столице и вокруг нее. Выдающееся значение среди казенных предприятий Петербурга занимала Адмиралтейская верфь. На территории нынешнего Адмиралтейства уже в ноябре 1704 г. были заложены первые здания будущей верфи. 29 апреля 1706 г. был спущен первый военный корабль.³ С 1706 по

¹ Там же, стр. 85.

² Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 162—164.

³ Петербург петровского времени. Очерки под ред. А. В. Предтеченского. Л., 1948. Ст. В. Г. Геймана «Мануфактурные предприятия Петербурга», стр. 52.

1725 г. на петербургских верфях построили не менее 59 крупных кораблей разных типов.¹ В 1711—1713 гг. возник Арсенал, называвшийся до 1720 г. «Пушечным двором». Затем были построены Охтенские пороховые заводы.

Кроме них, в Петербурге и в непосредственно тяготеющем к нему районе начали действовать предприятия в других отраслях, предназначенных как для военных, так и для мирных целей: шпалерная, парусная Екатеринбургская, шелковая, несколько других текстильных и кожевенных фабрик, Красносельская бумажная — под Петербургом и такая же в самом городе, канатный, квасцовый, лесопильные заводы и т. д. Необходимо также обратить внимание на мероприятия, касавшиеся Кольского полуострова. Ряд указов об организации на нем промыслов свидетельствует о том, что Петр I и его соратники хотя и не имели, конечно, сведений о минеральных ресурсах этого богатейшего края, но представляли себе его значение в развитии рыбных и зверобойных промыслов, включая и охоту на китов. Таковы указы от 20 января 1703 г., 15 февраля 1703 г., 31 мая 1719 г. и т. д. В «мнении» советников Коммерц-коллегии (16 октября 1721 г.) о Кольском полуострове прямо сказано, что «...в его морях и реках также множество всяких рыб находится, которое довольно будет к снабжению всей Европы».²

Совершенно изменилось значение Урала, ставшего, с его вновь возникшими многочисленными предприятиями, к концу царствования Петра I основным районом тяжелой металлургической и металлообрабатывающей промышленности и резко увеличившего свою продукцию.

Появились значительные районы переработки сельскохозяйственного сырья на Украине.

В географии отдельных отраслей промышленности также произошли радикальные изменения. Достаточно напомнить хотя бы о сильно развившемся судостроении. Помимо заново созданных Воронежских верфей, были построены и другие в новых районах: в Петербурге, на Балтийском побережье, в Новой Ладогге, на Лодейном Поле, на реках Сясе и Свири, затем в Казани, Астрахани и некоторых других пунктах.

И. В. Мешалин³ отмечает, что, несмотря на очень интенсивное промышленное строительство к концу первой четверти

¹ Там же, стр. 56.

² М. Чулков. Историческое описание Российской коммѣрции, т. I, кн. II, 1782, стр. 350. В других местах того же тома приводится много примеров внимания Петра I к Кольскому полуострову (стр. 344, 345, 375 и некоторые другие).

³ И. В. Мешалин. Промышленность России в первой четверти XVIII в. и ее территориальное распределение.— Известия Всес. геогр. об-ва, 1940, т. 72, вып. 3, стр. 363.

XVIII в., наметить специализацию главных промышленных районов России для этого времени можно лишь весьма условно. Все же он называет следующие четыре основные группы: 1) районы, узко специализировавшиеся на металлургии: Урал, Тульско-Окский район и Карелия; 2) районы с преобладанием тяжелой промышленности: Петербург и его район, Липецко-Воронежский и Волжско-Камский (г. Казань); 3) район с преобладанием предприятий по переработке животного, растительного и строительного сырья с наличием в то же время и тяжелой промышленности — центр страны вместе с Москвой и 4) районы, специализировавшиеся в основном на переработке сельскохозяйственного сырья, — Украина и Центрально-черноземный район.

Во избежание недоразумений следует обратить внимание на то, что значительные изменения в географическом размещении промышленности петровского времени вовсе не говорят о полном отсутствии исторической преемственности, о том, что вся она была создана заново в новых местах. Это, конечно, неверно вообще и в частности при характеристике металлургии и металлообработки. Как показали исследования советских ученых, в петровский период были широко использованы старые русские районы промышленного производства, в особенности промышленный подмосковный центр, а также и намечавшиеся уже до начала царствования Петра I горно-рудные районы Урала.

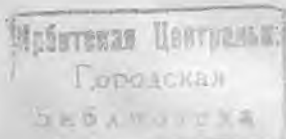
П. Г. Любомиров обращает внимание на то, что «район старой эксплуатации железорудных месторождений использован в эпоху Петра достаточно интенсивно».¹ «Необходимо подчеркнуть, — пишет Б. Б. Кафенгауз,² — крупнейшее значение для развития промышленности Урала другого фактора — именно крупных заводов: тульских, каширских, подмосковных и других, выросших в течение XVII в., а также значение высокоразвитого ремесла Тулы и других центральных районов. Отсюда вышли руководители — строители первых уральских петровских заводов, мастера и другой персонал, перенесшие на Урал свой опыт. Отсюда же на первых порах доставлялись оборудование и железо».

Таково в самых общих чертах состояние развития промышленности при Петре I.

Характер изменений экономической жизни в других отраслях народного хозяйства достаточно известен. В сельском хозяйстве пытались улучшить технику производства, внедрить

¹ П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. М., 1947, стр. 219.

² Б. Б. Кафенгауз. Строительство первых уральских заводов. — Вопросы истории. 1945, № 5—6, стр. 50.

косьбу вместо жатвы серпами, вводили новые культуры: табак, лекарственные растения, виноград на юге, фруктовые насаждения. Так, например, указ 26 октября 1720 г. предписывал завести в Астрахани аптечный огород, «сделать ранжерею», а из винограда астраханских садов «делать горячее вино». ¹ Одновременно обращалось большое внимание на расширение старинной льняной и конопляной культур и распространение их. Указ 15 декабря 1715 г. предписывал: «...во всех губерниях размножить льняные и пеньковые промыслы, например, как обыкновенно промышленяют льном во Пскове и в Вязниках, а пенькою в Брянску и в других городах, и для того приготавливали б земли». ²

Много внимания уделялось животноводству, разведению хороших пород крупного рогатого скота, в том числе известного впоследствии холмогорского, лошадей, овец. Очень характерен в этом смысле тот же указ 26 октября 1720 г., предлагавший: «Завести овчарные заводы, для которых взять несколько из тех овчаров, которые из Шлезии, также для овец посылать в горы и в другие места... Купить в Персии буйволов 16 пар..., завести в Астрахани чистых лошадей от персидских жеребцов и от черкасских кобыл». Значительно ранее этого, в 1712 г., был дан указ Сенату завести конские заводы в Казанской, Азовской и Киевской губерниях, для чего купить жеребцов и кобыл в Шлезии и «Прусах». ³ Таких примеров можно привести множество.

Широко известны также мероприятия по охране лесов, запрещению их вырубки около сплавных рек и т. п. Пытались даже производить древонасаждения в степной полосе: «При Астрахани и в других местах, где степи, сеять дубовые жолуди для лесов, таким образом, как заводят леса в Европе». ⁴

Важнейшим фактом для изучающего развитие географических знаний петровского времени является расширение и усложнение рыночных связей благодаря созданию всероссийского рынка. Это, как установил В. И. Ленин, повело к организации, начиная, примерно, с XVII в., единого Русского государства, вызываемой «...усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всерос-

¹ П. С. З., т. VI, § 3668.

² Там же, т. V, § 2966.

³ Кабинет Петра I, кн. № 32, цитировано по книге С. Соловьева «История России с древнейших времен», т. XVI, XVIII. Изд. 2-е. СПб., «Общ. Польза», б. г., стр. 166.

⁴ П. С. З., т. VI, § 3668.

сийский рынок». ¹ В царствование Петра I процесс создания всероссийского рынка по сравнению с предыдущим периодом XVII в. резко усилился.

Петр I придавал развитию внешнего и внутреннего товарооборота особое значение, говоря, что торговля — «верховная обладательница судьбы человеческой». Большое внимание уделялось различным мероприятиям по расширению и укреплению торговли: созданию ярмарок во многих районах России, привлекавших к себе издалека купцов, организации купчества и предоставлению купцам различных привилегий, созданию центрального и местных органов, ведающих торговыми делами, и т. п.

Все это, в связи с усиленным внутренним спросом, привело к оживлению операций, увеличению ассортимента товаров, расширению и изменению направления межрайонных торговых связей внутри России. Ярким примером такого изменения могут служить Петербург, привлекавший к себе мощный поток товаров, шедших к нему из различных районов страны, Урал, ставший основным поставщиком металла, отправляемого оттуда в центральные, северо-западные и другие области Европейской России, Украина, усилившая вывоз своего сельскохозяйственного сырья в промышленные районы, и т. п.

Что касается внешней торговли, то в ней произошли радикальные качественные изменения в географическом направлении грузовых потоков. В то время как в допетровский период морская торговля с Западом велась через Архангельск, теперь на первый план выдвинулись прибалтийские порты. «В 1722 г. в порты Балтийского моря пришло 116 иностранных кораблей. В 1725 г.: в Петербург 240 кораблей, в Ригу 303, в Нарву 115». ²

На запад, как и раньше, вывозили исконные русские товары: меха, мед, воск, лес, деготь, пеньку, кожи. Но к этому в петровское время прибавилось железо. Оттуда же получали военное оборудование, шелковые изделия, предметы роскоши.

Русские торговые корабли отправлялись не только в близлежащие прибалтийские страны — Скандинавию, Польшу, германские государства, но и в более далекие, как, например, в Англию. Интересно отметить, что в 1717 г. из Петербурга в Венецию был послан «корабль, именуемый

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1. Изд. 4-е, стр. 137.

² История СССР, т. I. С древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. акад. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1947, стр. 555.

Ормонд, с собственными его величества товарами»,¹ а в 1723 г. была даже учреждена особая торговая компания с Испанией, не имевшая, впрочем, успеха.²

С другой стороны, выгодный торговый договор с Персией и расширение связей со Средней Азией и Китаем привели к оживлению торговли с восточными странами. В частности, большое значение приобрела Кяхта, с которой производились обширные торговые операции. В Китае русские покупали золото, серебро, ткани, особенно камку, китайку, атласные ткани, фарфоровую посуду, чай, мускус, бадьян, ремень, табак, а также драгоценный корень «гинзэнг» — т. е. женьшень.³ Через Кяхту же шли в Сибирь «калмыцкие и бухарские товары»: ткани, мерлушки, сушеные фрукты и т. п.⁴

Для привлечения внимания к торговле с Китаем правительство прибегало к различным мероприятиям, в частности и к публичным призывам. Так, в постановлении Сената от 20 августа 1711 г. об отправлении в Китай «купчины» на китайский торг с товарами и деньгами, между прочим, сказано: «...а для пополнения того китайского торга и поживления всякого чина людей, листы на Москве по воротам прибить (разрядка наша.— Д. Л.) по прежнему его великого государя указу, как о том состоялся, по которому в прошлом году прибиваны листы из Сибирского приказа».⁵

Остановимся несколько подробнее на торговле с Персией и на значении, придававшемся персидскому шелку.

Более чем за десятилетие до войны с Персией Петр I собственноручно подписал указ Сенату 2 марта 1711 г.: «Персидский торг умножить и армян, как возможно, приласкать и облегчить». 2 мая того же года Сенат вынес соответствующий приговор.⁶ Указом 1718 г. дозволялось всем русским и иностранным подданным привозить шелк-сырец из Персии и из других мест в Россию.⁷ Указы 20 мая 1716 г., 6 июня 1719 г., 26 июля 1720 г. о конвенциях с персидским шахом сообщали, что «...по силе оной надлежало всему персидскому шелку итти в Россию, а ничего оно не вывозить в Турцию, на что и шах согласился».⁸

¹ М. Чулков. Историческое описание Российской Коммерции, т. IV, кн. I. СПб., 1785.

² В. И. Пичета. Торговая и промышленная политика России.— Книга для чтения по истории нового времени, т. 2. М., 1911, стр. 620. (О торговых связях с Испанией будет сказано особо в дальнейшем).

³ М. Чулков. Там же, т. III, кн. II, 1785, стр. 22—23.

⁴ Там же, стр. 67.

⁵ П. С. З., т. IV, § 2417.

⁶ М. Чулков. Там же, т. II, кн. II, стр. 61.

⁷ Там же, стр. 53 и 81.

⁸ Там же, стр. 49.

Таким образом, была установлена монополия соответствующих русских закупок в этой стране.

Ф. И. Соймонов,¹ много внимания уделявший вопросу развития русско-персидской торговли и советовавший по этому поводу «со знающими российскими купцами», говорит о пользе построения гавани и «купеческого места» в одном из устьев Куры: «...Как то и государь император Петр Великий имел к тому крепкое намерение. Туда можно привлечь все купечество из Грузии и Ширвани, и сие бы место со временем могло быть первым купеческим городом для всего западного берега Каспийского моря». В 1724 г. на Куру для строительства гавани было отправлено 5000 мордовцев: «...а для показания места в Мазендеране и Астрабате послан капитан-лейтенант Соймонов». ² Постройка эта не состоялась.

Все сказанное выше не надо понимать в том смысле, что исконный русский экспортный товар — «мягкая рухлядь», т. е. пушнина, совершенно перестал иметь значение. Меха продолжали вывозиться в Западную Европу. Сибирские «землепроходцы» и «мореходцы» не потеряли к ним, а также и к «рыбьему зубу» — моржовой кости — интереса. Но с развитием товарных отношений, с увеличением значения других отраслей промышленности и сельского хозяйства, усилением торговли с восточными странами — главными поставщиками шелка — роль пушнины в народном хозяйстве России заметно сократилась.

Заканчивая рассмотрение раздела о торговле, прибавим, что для поддержания ее (как и для поддержания промышленности) применялись всевозможные покровительственные тарифы. Особое значение в этом смысле имел новый таможенный тариф, введенный в конце петровского времени — в 1724 г., обязательный для всех независимо от прежних договоров, «...резко покровительственного характера, величина которого соизмерялась со степенью внутреннего производства и возрастала сообразно размерам внутреннего производства». ³ Внутри страны организовывались различные торговые компании, реорганизовались местные и областные учреждения, ведающие торговлей. Были созданы Коммерц-коллегия и ратуши.

С 1715 г. начали учреждать заграничные консульства, обязанные представлять подробные отчеты и характеристику

¹ Ф. И. Соймонов. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. С дополн. Г. Ф. Миллера. Изд. Акад. Наук. СПб., 1763, стр. 336.

² М. Чулков. Там же, т. II, кн. III, стр. 13.

³ В. И. Пичета. Там же, стр. 620.

рынков. За границу посылались купеческие дети для изучения коммерции. Весьма показателен в этом отношении указ 1723 г. Коммерц-коллегии «...посылать в чужие края детей торговых людей, чтобы никогда меньше 15 человек в чужих краях не было, и когда которые обучатся, брать их назад, а на их место новых, а обученным велеть здесь обучать, понеже всех посылать невозможно».¹

Поездки за границу с торговыми целями сравнительно с допетровским периодом также резко увеличились.

Отмечая указанные выше особенности в экономической жизни России петровского времени, никогда не надо забывать того, что далеко не все намечаемые Петром I мероприятия реально осуществлялись в действительности. Надо также твердо помнить слова товарища Сталина о том, что задача ликвидации отсталости нашей страны не могла быть разрешена ни одним из старых классов страны. «Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в скольконибудь удовлетворительной форме».²

Рассмотренные мероприятия, касавшиеся развития промышленности, сельского хозяйства, торговли и других отраслей, требовали, конечно, конкретного знания природных особенностей и хозяйства отдельных районов страны. Они явились стимулом для накопления этих знаний и развития мысли, направленной на проблемы географического порядка.

Наконец, в петровский период были проведены и переписи населения, позволившие уточнить его цифру.

Заканчивая это краткое введение, остановимся еще на одном очень важном вопросе.

В советской науке обращено внимание на то, что, открывая широкий доступ иностранцам, Петр I нередко ставил их в незаслуженно привилегированное положение. Это послужило после его смерти толчком к преклонению перед всем «иноземным», широко развившемуся среди русской знати, а затем среди буржуазии и части интеллигенции, к засилью «немцев» в государственном, военном и административном аппарате царской России, принесшему столько вреда стране.

Но было бы глубоко неверным считать, что развитие в петровское время русской науки вообще и географической в частности было обязано преимущественно деятельности иностранцев, приглашенных в Россию Петром I. Совершенно ложными являются и взгляды тех исследователей истории

¹ Там же, стр. 621.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, стр. 359.

русской культуры, которые утверждали, что русская наука не имела самостоятельного развития и была подчинена западноевропейскому влиянию.

Самостоятельное развитие русской науки имело глубокие корни во всей истории русского народа. Резкий рост науки при Петре I определялся всей совокупностью исторической обстановки, сложившейся в России того времени. Заслуга же Петра I заключалась в том, что он содействовал созданию условий, давших русскому народу возможность полнее и шире развернуть свои способности и с большей продуктивностью использовать накопившиеся столетиями научные знания и опыт.

Что касается самостоятельного развития географии, интересующего нас в данном исследовании, то оно было обязано творческой деятельности всего русского народа, выдвинувшего из своей среды талантливейших путешественников, исследователей новых земель, геодезистов, картографов и теоретиков географической науки, внесших огромный вклад в историю географических знаний. Не надо также забывать, что большую помощь при открытиях в Сибири оказывали ее народы (якуты, чукчи и некоторые другие), сообщавшие русским людям сведения географического характера. Особенно это относится к открытиям островов в Северном Ледовитом и Тихом океанах и к сведениям о «Большой Земле» — Америке. В дальнейшем будут приведены соответствующие примеры.

Конечно, большую роль сыграло также и понимание Петром I значения географии в жизни государства и его личное участие во многих мероприятиях, направленных к развитию географии в России.

Изучая опубликованные собственноручные бумаги Петра I, мы видим, что при всем множестве текущих государственных дел, беспрестанных поездках, военных походах он находил время для чтения разнообразной литературы, занятий науками, в частности географией, и бесед с ее главнейшими представителями.

Поэтому, когда мы рассматриваем петровское время под углом зрения развития в нем различных отраслей научного знания, представляется необходимым ответить также на вопрос о том, что сделал в этом направлении сам Петр I?

География привлекала к себе пристальное внимание Петра I на протяжении всего его царствования. Он не только внедрял разными мерами географические сведения среди населения России (печатание соответствующей литературы и карт, включение географии в программы организуемых им учебных заведений и т. п.), но и обнаруживал упорное

стремление к личному усовершенствованию в этой науке, весьма удивлявшее иностранцев.

Петр I лично участвовал в некоторых геодезических съемках в качестве топографа и составлял инструкции для дальнейшего проведения их на территории России. Он давал руководящие указания при выполнении картографических работ и даже сам вычерчивал карты. Некоторые из них оказались затем за границей. У Шереметева есть одно очень интересное место о том, что за границу попала какая-то карта Черного моря, сделанная Петром I. «Гранд-дюк Флоренции» (т. е. великий герцог.— *Д. Л.*), воядя русского вельможу по своим палатам, также казал ландкарты Черного моря и говорил, что оную ландкарту его царское величество (т. е. Петр I.— *Д. Л.*) благоволил сочинить сам своими руками.¹

Лично Петром I или по его непосредственным указаниям были выполнены многие важные работы географического характера: составление инструкций лицам, посылаемым в экспедиции, включение вопросов географического порядка в инструкции дипломатам, отправляемым за границу, участие в выборе иностранных географических книг для перевода, обнаруживающее знание западноевропейской специальной литературы, редактирование или, по крайней мере, просмотр таких переводов и дача конкретных указаний для их исправления.

Здесь интересно отметить взгляд Петра I на качество многих немецких книг по разным специальным вопросам и вытекающие отсюда его требования к переводчикам.

В своем указе Синоду 16 сентября 1724 г.² Петр I писал: «Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполняют, толко для того, чтоб велики казались, чего, кроме самого дела и краткого пред всякою вещию разговора, переводит не надлежит, но и вышереченный разговор, чтоб не празной ради красоты, но для вразумления и наставления о том пишущему был, чего ради о хлебопашестве трактат выправил, и для примеру посылаю, дабы посему книги перевозены были без лишних разказоф, которое время толко тратят и у чтущих охоту отемлют».

Петр I многократно осматривал работы, связанные со строительством каналов. Так, например, «...лично, в обществе некоторых инженеров, он исследовал местности между

¹ Древняя Российская Вивлиофика, ч. V. Изд. 2-е, М., 1789, стр. 85. Слова «гранд-дюк Флоренции» взяты в кавычки в тексте. В дальнейшем о путешествии Шереметева будет сказано подробнее.

² Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. Акты о высших государственных установлениях. М.—Л., 1945, стр. 148. Указ 16 сентября 1724 г., написанный, подписанный и датированный собственноручно Петром I.

Ладогой и Шлиссельбургом и не нашел никакого препятствия, почему бы нельзя было по берегам Ладожского озера вырыть канал». ¹ Он вообще отличался довольно обширными познаниями по географии своей родины, приобретенными им не только путем «кабинетной» работы, но и при многочисленных поездках по России, во время которых он внимательно наблюдал географические особенности различных ее территорий.

Недаром И. Голиков отмечал, что царь «...верил своим очам, а путешествия 1200 или 1600 верст почитаемы были им за ничто, чтоб ему разведать все самому собою». ² Бесспорно, ни один из ближайших соратников Петра I не исколесил столько мест России, как этот «беспокойный» реформатор своей страны.

Что касается его осведомленности в деле географического познания России, то, учитывая общий культурный уровень страны и эпохи, ее надо признать весьма значительной. Это проявлялось во множестве указов, распоряжений, инструкций и т. п., относящихся к различным отраслям хозяйства России и очень часто составлявшихся лично Петром I.

Взять хотя бы письмо Петра из Амстердама 31 декабря 1697 г. «князю-кесарю» Ромодановскому, в котором он обнаружил детальное знание гидрографии бассейна Переяславльского озера и ближайшего к нему района: «...есть де в Переяславле корабль... и того прошу ваш маестат, ³ дабы указал оный в грядущую весну сквозь реки Вексу и Сулино озеро и Нерль и Волгу провезть, а хотя оной провоз и не без труда копанием берегов к Вексле, но оного места немного... и вешняя вода может гораздо к тому способствовать, а когда до Сулина озера придет, то оттуда без труда Нерлю, понеже она река довольной ширины, а хотя мелка, и камениста, но в полуою воду довольной глубины есть».

Как известно, пристальное внимание Петра I привлекали поиски полезных ископаемых. Распоряжения, рассылаемые по этому поводу и составлявшиеся весьма часто самим Петром I, также свидетельствуют о значительном запасе конкретных сведений у их автора.

В своих многочисленных поездках по стране, предпринимаемых с целями, ничего общего не имеющими с географическими исследованиями, Петр I также не упускал случая

¹ Россия при Петре Великом по рукописному известию И. Г. Фоккерда и Оттона Плейера. М., 1874, стр. 80.

² И. И. Голиков. Деяния Петра Великого мудрого преобразителя России, т. X. Изд. 2-е, М., 1837, стр. 249.

³ «Маестат» — величество; «ваше величество» — так звал Ромодановского Петр I.

сам ознакомиться с тем или иным месторождением. Очень характерным примером может служить написанное совершенно по другому поводу поздравительное письмо его к А. Д. Меньшикову, посланное из «Дубровой мызы в 1 день декабря 1707 г.».¹

«Поздравляю Вас торжеством вчерашнего дня патрона нашего, которого просил, дабы молил Бога о вашем здорье... Еще в а м п о з д р а в л я ю п о д л и н н о ю ж и л о ю с в и н ц о в о ю (разрядка наша.— Д. Л.), в которой есть и серебро, которую жилу я сам видел и своими руками ломал и пробовал... Еще посылаем здешней сыр, дай Боже, вам употребить во здравие».

Петр I много сделал и для развития других наук, в частности таких близких для физико-географа, как астрономия, и для географа-экономиста — этнография и история. Он содействовал обогащению географии изысканиями по части этнографии и естественных наук и внутри России и в соседних странах Азии,² неоднократно требуя присылки ему соответствующих сведений из разных концов своей обширной родины.

Так, указом 13 февраля 1718 г.³ требовалось, чтобы «...в земле или в воде какие старые вещи, а именно: каменя необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие да зело велики или малы пред обыкновенными, также какие старые подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое ныне необыкновенное ружье, посуду и прочие, все, что зело старо и необыкновенно, такие бы приносили...».

Указом 20 апреля 1722 г., данным из Преображенского Синоду, обращалось внимание на то, что «...есть много вещей старых изрядных, может быть, за бесценок отдадут, а именно старые монеты, каменя хорошие» и далее: «...а особливо таких вещей много в Троиетском и иных монастырях, которые не были в московское разорене за поляки... в те знатные места послать знающих людей, дабы то пересмотрели и что гораздо старье и курioзное, как выше писано, привезли».⁴ Точно так же предлагалось забрать из монастырей «...древних жалованных грамот и других курioзных

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 6. СПб., 1912, стр. 176.

² К. М. Бэр. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний.— Зап. Русск. геогр. об-ва, СПб., 1849, кн. 3, стр. 220.

³ П. С. З., т. V, § 3159.

⁴ Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. Акты о высших государственных установлениях. М.—Л., 1945, стр. 108.

писем оригинальных, також книг исторических, рукописных и печатных». ¹

Совершая поездки за границу, Петр I и там не переставал интересоваться географией. Во время путешествия 1697—1698 гг. посольство приобретало географические книги и атласы. Так «...сентября в четвертый день, по указу великого государя, куплена в Амстрадаме из ряду (торгового.— Д. Л.) для знания путей книга атлас со описанием и с чертежами всех государств, дана 46 ефимков. Да к той же книге зделан ящик деревяной, дан два ефимка». ²

Петр I охотно беседовал с крупными иностранными учеными, был знаком с Лейбницем, неоднократно посещал Гринвичскую обсерваторию, повидимому, встречался с астрономом Галлеем, ³ дважды посещал вместе с Я. В. Брюсом английский монетный двор. Трудно установить, виделся ли Петр I с Ньютоном. «Надо полагать также,— говорит М. М. Богословский,— что в качестве директора Монетного двора Ньютон присутствовал при этих посещениях царя, но, кажется, не сохранилось никаких письменных документов о встрече Петра I с великим математиком». ⁴ Такого же мнения придерживается и С. И. Вавилов: «Для русского читателя интересно узнать, что в Монетном дворе Ньютон весной 1698 г., по всей вероятности, встретился с русским царем Петром I». ⁵

В Амстердаме Петр I познакомился с Витсенем, конечно, весьма сильно уступавшим по своему значению в науке названным выше ученым, но все же являвшимся очень крупным географом и одним из образованнейших людей своего времени. Петр I не только просто беседовал с известными учеными. Во время заграничной поездки 1697—1698 гг. он, по словам И. Голикова, «...с крайним рачением обучался у искусных учителей анатомии и хирургическим операциям, инженерству, географии и (разрядка наша.— Д. Л.) и экспериментальной физике». ⁶

Значительно позже, будучи в Гааге, Петр I «проведал, что находится там один математик, который уверял, якобы сыскал он способ узнавать долготу мест». Петр I немедленно отправился к нему, возражал на некоторые его утверждения и, наконец, засвидетельствовал, «что сей человек дошел в

¹ Там же, стр. 86.

² М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. 2. Первое заграничное путешествие, ч. 1 и 2. М., 1941, стр. 218.

³ Там же, стр. 367.

⁴ Там же, стр. 373.

⁵ С. И. Вавилов. Исаак Ньютон. Изд. 2-е. М.—Л., 1945, стр. 188.

⁶ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, т. I. Изд. 2-е. М., 1837, стр. 122.

изобретении, но еще недостает некоторого в нем совершенства». Чрезвычайно характерны слова, сказанные царем по этому поводу: «Такого рода людей должны всячески одобрять, а не презирать, как то многие противно сему чинят, называя такие упражнения бреднями». Петр I дал ему 100 червонцев и приглашал приехать в Россию продолжать делать опыты,¹ что, повидимому, не было осуществлено.

Однако, несмотря на привлечение в страну специалистов иностранцев и внимательное отношение к их советам, Петр I обладал большой самостоятельностью в своих мнениях и принимал те или иные решения в соответствии со своими убеждениями и практическими потребностями государства так, как он их сам понимал.

Правильно заметил еще С. М. Соловьев, что «Петр поехал бы за границу и без Лефорта, точно так же как сделался бы мореплавателем и устройтелем флота без нахождения ботика боярина Никиты Романова».²

Известный русский ученый К. М. Бэр опровергает утверждение о том, что мысли о научных экспедициях зародились в уме Петра I во время первой поездки за границу. Он подчеркивает, что в первые 10 лет по возвращении Петра I из-за границы не было организовано ни одной географической экспедиции, что Петр I отправил экспедиции в Китай и Индию тогда, когда сам еще не переступал границы своего царства.³

¹ Л. Н. Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом.— Зап. Акад. Наук, т. 67, кн. 2. Прилож. № 6. СПб., 1892, стр. 95—96. «Дошел в изобретении» значит — достиг известных результатов.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XIV. Изд. 2-е. СПб., «Общ. Польза», б. г., стр. 1160.

³ К. М. Бэр. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний.— Зап. Русск. геогр. об-ва, СПб., 1849, кн. 3.

ВАЖНЕЙШИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В СИБИРИ

Уже в допетровской России XVII в. материковая территория ее Европейской части была настолько известна, что на ней не могло быть сколько-нибудь значительных открытий «неведомых земель».

Части Европейской России, примыкающие к западным побережьям Каспия, были, правда, к концу XVII в. еще очень мало изучены. Но обследования Каспийского моря с прибрежными территориями по самому его положению неразрывно связаны с изучением Средней Азии и предпринятыми там экспедициями, о которых будет сказано в соответствующих разделах.

Как известно, русские в течение XVII в., задолго до начала царствования Петра I, совершали в Сибирь¹ многочисленные путешествия по суше и плаванья по всем крупнейшим рекам, включая Амур, по прибрежным водам азиатской части Северного Ледовитого океана, обогнули морем Чукотский полуостров, прошли пролив Беринга, а также достигли берегов Охотского моря и плавали вдоль них.

Сибирские открытия конца XVII и первой четверти XVIII в. не имели такого грандиозного размаха, хотя также внесли крупнейший вклад в историю географической науки, являясь прямым продолжением великих русских географических открытий XVII в.

Под этим углом зрения они и рассматриваются далее.

Колонизация Сибири, как и всякая колонизация в эпохи феодализма и капитализма, сопровождалась большими жестокостями по отношению к покоряемому населению. Но овладение русскими Сибирью и Дальним Востоком, несмотря на все отрицательные моменты проводимой там колонизационной

¹ Понятие Сибири было в то время значительно шире современного и включало часть Урала и все дальневосточные владения России.

политики, приобщило коренное население этих стран к значительно более высокой русской культуре.

В области же развития географических знаний, специально интересующей нас, колонизация Сибири при Петре I имела своим последствием продолжение великих русских географических открытий XVII в.

Продолжавшийся непрерывный процесс колонизации огромных и еще почти не заселенных сибирских территорий сопровождался, конечно, многочисленными географическими открытиями местного масштаба; при этом уточнялись старые и прокладывались новые пути сообщения, ведущие в соседние среднеазиатские государства, Монголию и Китай, но одновременно интенсивно продолжались и поиски новых земель. На это в особенности толкала возросшая потребность в пополнении государственной казны, испытывавшей большие затруднения в связи с военными мероприятиями и реформами, проводимыми в петровское время. Искали металлы, усиленно стремились увеличить заготовки пушнины. В данном отношении весьма характерен наказ, изданный в сентябре 1697 г., ближнему боярину Черкасскому, посланному в Тобольск. Наказ предписывал всемерно форсировать открытия новых земель и запрещал брать ясак деньгами взамен «мягкой рухляди».¹

Правда, развитие товарно-денежных отношений привело к тому, что в первые десятилетия XVIII в. роль пушнины в хозяйственной жизни России сравнительно с прошлым веком сократилась. «Так, в 1717 г. из 1222 ясачных людей Тобольского уезда 991 человек внесли ясак деньгами».² Резко возросло значение поисков металлов. Но в глухих окраинах восточной части Сибири «мягкая рухлядь» продолжала быть одним из важных стимулов в поисках новых земель.

Океанские побережья Сибири привлекали внимание в качестве баз для морских промыслов.

К этому надо прибавить и широкие замыслы, толкавшие Петра I, стремившегося сделать Россию не только великой сухопутной, но и великой морской державой, к упрочению положения России на побережьях Великого океана, защите ее сибирских владений, собиранию экономических сведений о восточных тихоокеанских странах и развитию торговли с ними.

Совокупность всех указанных причин привела к тому, что крупнейшие сибирские экспедиции петров-

¹ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке.— Сб. архивных материалов. Л., 1935.

² История СССР, т. I. С древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. акад. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1947, стр. 574.

ского времени проводились в основном в иных районах сравнительно с допетровскими.

С Чукотского полуострова, на котором русские продолжали закрепляться, шло интенсивное продвижение к югу, закончившееся открытием Камчатки и части Курильских островов. Затем, важнейшими районами исследований явились северо-восточные воды Ледовитого океана, особенно против устьев крупнейших рек (где искали острова), и воды Тихого океана между русскими дальневосточными владениями и Америкой.

Прежде чем перейти к дальнейшему конкретному анализу географических открытий, остановимся на вопросе о том, каким путем получались в петровское время сведения о новых землях.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛУЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О НОВЫХ ЗЕМЛЯХ

В области организации сибирских экспедиций для открытия неизвестных земель в петровское время принципиально новых моментов было гораздо меньше, чем в области картографии.

Так же, как и раньше, тщательно собирали сведения о «новых землях», постулавшие в большом числе с мест. Так же составлялись инструкции, которыми снабжались различные «мореходцы и землепроходцы». Инструкции эти, бесспорно, были несколько систематичнее и обстоятельнее, чем допетровские, однако не настолько, чтобы говорить о каком-то коренном изменении основ всей организации. Новой была лишь большая централизация всего дела — явление, как известно, вообще присущее петровскому времени.

Это не говорит об отсутствии инициативы как у провинциальной администрации, так и у множества простых местных людей. Инициатива проявлялась и на местах и в некоторых случаях приводила к открытиям крупного значения (например, Камчатки). Но значение инициативы центрального правительства в этой области в петровское время сильно возросло.

По распоряжению правительства производились энергичные исследования Камчатки (после посещения и описания ее Атласовым) и Курильских островов, служилые люди отправлялись в Северный Ледовитый океан и в Охотское море, предпринимались попытки достичь Японии, наконец, было приступлено к организации грандиозной первой Камчатской экспедиции.

Прежде всего остановимся на способах добывания сведений о новых землях. Первоначальным источником этих сведений являлись, как и раньше, довольно неопределенные

сообщения различных промышленных и служилых людей, опиравшиеся на рассказы «иноземцев» или на виденное ими самими. Таковы, например, первые туманные известия об острове, лежащем против устья р. Камчатки, т. е. об о. Беринга, дошедшие до Якутска в начале XVIII в.¹ Русские, безусловно, на нем в то время не побывали и лишь кое-что «прослышали» от местных жителей Камчатки.

Впервые очень туманные сведения о Курилах были сообщены Атласовым, который «против первой Курильской реки на море видел как бы (разрядка наша.—Д. Л.) остров есть».² Но его сообщения опирались главным образом на информацию, полученную от «иноземцев». В дальнейшем русские уже сами ясно видели острова за «переливами» (проливами) и поспешили донести об этом в Якутск. Таких примеров, относящихся к различным территориям, можно было бы привести множество.

Помимо получения письменных донесений о новых землях, местное сибирское начальство проводило устные расспросы лиц, занимавшихся по их поручению (а иногда и самостоятельно) поисками, и затем фиксировало показания.

Доказательством того, насколько разносторонни и сложны бывали иногда подобные расспросы, служит акт допроса, проведенного 20 февраля 1710 г. в Якутском остроге воеводою Траурнихтом.³ Он ставил своей задачей выяснить и зафиксировать сведения «про остров, который значитя против Камчатки и Ковымского и Ленского устья и про иные ведомости».⁴ Траурнихт допросил несколько лиц, плававших по Северному Ледовитому океану, а также побывавших на Камчатке: Никифора Малгина, Ивана Шамаева, Михаила Наседкина, Поротова. Наряду с ценными и совершенно точными показаниями, например о Карагинском острове против устья одноименной реки, впадающей с Камчатки в Берингово море (сообщения Шамаева и Наседкина), в акте допроса содержались и неправильные утверждения о какой-то огромной единой земле — острове, лежащем в Ледовитом океане севернее

¹ См. ниже о наказе Осипу Мионову.

² Н. Н. Оглоблин. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки.—Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Московском ун-те. 1891, кн. 3 (158), отдел. I. Материалы исторические, стр. 21.

³ Памятники Сибирской истории (в дальнейшем П. С. И.), т. II. СПб., 1885. Прибавление к т. I, № 118, п. 6.

⁴ Совершенно неверно было бы считать, что Траурнихт только 20 февраля 1710 г. впервые услышал о всем, что ему говорили допрашиваемые. Во всяком случае, часть сведений он обладал и ранее, доказательством чего могут служить распоряжения, выпущенные им до этого. Допросом 20 февраля 1710 г. Траурнихт, очевидно, хотел по возможности всесторонне проверить имевшиеся до этого данные, опросив сразу несколько лиц и, вероятно, сделав им очную ставку.

Азиатского материка и простирающемся от Лены до Камчатки, а также о населенном острове в Пенжинской губе.¹

Траурнихт добросовестно собрал очень большой материал, старался его проверить, расспрашивал каждого из указанных лиц по возможности подробно и отмечал противоречивые показания. Так, он уделил много внимания сообщениям об острове против устья Пенжины. Мы приводим здесь эти сообщения, чтобы иллюстрировать характер рассматриваемого документа и не возвращаться более к последнему вопросу.

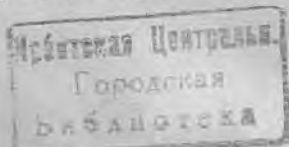
Повидимому, источником слухов был Тарас Стадухин, неудачно ходивший с 90 товарищами «проведывать непроходимова носу» в Ледовитом океане и после этого пересекший посуху Чукотский полуостров. По словам Малгина, «...в прошлых годах Тарас Стадухин сказывал ему, Никифору, в Ковымском зимовье... сделав кочи, подле море ходили до Пенжинского устья и немирных людей громили и взяли у тех иноземцов в полон одну бабу. И против де Пенжинского устья значится остров и земля видеть. И у той де бабы, он, Тарас, с товарищи про тот остров спрашивали, и та де баба им сказала, что на том острову есть люди бородатые, платье носят долгое, а русских де людей называют братьями. А они де, Тарас с товарищи, на том острову не были и пошли назад».

Траурнихт, очевидно, настойчиво проверял эти важные данные путем опроса других лиц, потому что в акте отмечены показания Ивана Шамаева: «...а против де Пенжинского устья он, Иван, и никто никакова острова сами не видали и ни от кого не слышали», и Алексея Поротова, также подтвердившего, что, кроме Карагинского «про иные острова не ведает». Оба они были у Пенжинского устья, а Шамаев даже плавал от него на Камчатку в корякских байдарках. Таким образом, показания Тараса Стадухина не подтвердились.²

¹ При описании обследований островов Ледовитого океана, проведенных в петровский период, будет подробнее сказано о существовавших в то время на этот счет представлениях.

² Острова, лежащего вблизи устья р. Пенжины, о котором говорил Стадухин, в действительности нет. Г. Ф. Миллер (Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных.— Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758, стр. 100—102), отмечая неверность показаний Стадухина, полагает, что он мог иметь в виду туманные слухи об островах против р. Камчатки (т. е. Командорских), спутав ее с Пенжиной. Под описанием людей бородатых, по его мнению, «должно, как кажется, разуметь курилов, живущих на островах, от Камчатки к полудню лежащих», которые, конечно, о русских в то время не слышали. Но это — одни лишь догадки, недостаточно обоснованные.

Для нас в данном случае важны не мотивы утверждений Тараса Стадухина, а то, что сообщения о новых землях в то время по возможности тщательно проверялись.

Опрос служилых людей, проведенный Траурнихтом, не ограничился материалами об островах Ледовитого океана и Карагинском острове. В данных опроса содержатся определенные указания и на Курилы, виденные Наседкиным, и неясные намеки на Командорские острова. Таков объем сведений, сконцентрированных в одном ценнейшем документе.

Личные расспросы подобного рода не являлись исключением, хотя, конечно, они далеко не всегда были такого масштаба. Так, 5 июля 1710 г. приказчик Иван Сорокоумов допрашивал в Удском остроге «ясачных тунгусов, что видеть с устья Уди в море»,¹ т. е. о Шантарских островах. Воеводой Ельчиным (Елчиным) в Якутске 20 октября 1714 г. о том же «допрашиваны порознь» некоторые казаки² и т. д.

Остановимся теперь несколько подробнее на характере «наказов», даваемых различным служилым людям. Грубо говоря, их можно разделить на две основные категории: 1) более общего порядка, содержащие в одном наказе требования представить разнообразные сведения географического характера — о новых землях и их жителях, особенно, об островах в водах Ледовитого и Тихого океанов, прилегающих к северо-востоку Азии, о путях к этим новым землям, о Японии и возможностях торговли с нею и т. п.; 2) ограниченные узкой целью исследования какого-либо небольшого определенного объекта. И те и другие иногда составлялись специально в качестве инструкций для определенной вновь организуемой экспедиции. Но весьма часто в общие указы, даваемые при отправлении кого-либо на службу в отдаленные места, включалось поручение произвести поиски новых земель.

Нередко также какому-либо воеводе или приказчику, уже служившему в Сибири, посылались дополнительные инструкции с требованием разведать о тех или иных землях. К числу последних относится, например, весьма обстоятельный наказ от 9 сентября 1710 г. якутскому казачьему десятнику Василию Савостьянову, посланному на службу в открытую в самом конце XVII в. Камчатку «для сбора в казну великого государя ясака»,³ включающий требования о представлении множества сведений географического характера.

Вначале идут неинтересные для нашей темы указания о том, как приводить в ясак по пути иноземцев и «служилых людей от воровства унимать», вплоть до применения смертной казни. В разных местах инструкции содержатся также

¹ П. С. И., т. II, № 118, п. 4.

² Там же, № 15.

³ Там же, т. I, № 99, стр. 417—428. «Наказ» так обширен, что в напечатанном виде он занимает свыше десяти страниц книги (большого формата).

директивы, относящиеся к административной деятельности Василия Савостьянова на полуострове: о принятии острога по росписи, о том, чтобы «напрасно тамошних стран иноземцев и русских и служилых людей, которые на переде сего ныне посланы, ничем не жесточить и во всем поступать и ласку к ним и привет держать» и т. п. Но, кроме этого, требуется получить ряд сведений, перечень которых указывает на широкий интерес к народам, живущим неподалеку от русских дальневосточных владений, к открытию новых земель, вызванный стремлением расширить торговые связи с этими народами, а если удастся, то и «привести в ясак».

Прежде всего, обращает на себя внимание приказ добыть возможно более подробные данные о Японии для развития с нею торговых отношений.¹

Русские уже давно представляли себе приблизительное местоположение Японии. Поэтому не приходится удивляться, что Савостьянову, направленному в недавно открытую Камчатку, давалось такое поручение.²

Далее предлагалось «приложить тщание о сыску иных народов богатых, которые реки в море Окиян Восточной впаи и живут на островах, и проведывать про них ласкою и учинить с ними дружбу и торговые промыслы и про те народы всякую ведомость имать, какие у них товары и богатства, и что им из Сибири годно каких товаров, и про их правление, и силу, и оружие, и обычей, и всякие их поступки, и под чьюю они властью и от камчадалского пути с которой стороны из Якуцка до тех острогов ближе... и о том о всем, возвратясь в Якуцкой, столнику и воеводе Дорофею Афанасьевичу Траурнихту да подъячому с приписью Ивану Татаринovu в приказной полате подать за своею рукою всем чертеж и статейной список».

Как видим, здесь изложена, хотя и в самых общих чертах, обширная программа, охватывающая уже гораздо более широкий круг вопросов, чем о Японии.

Особое внимание наказ уделяет вновь обнаруженным землям «за перелевами» (проливами) южной оконечности Камчатки, т. е. Курильским островам,³ требуя организовать туда экспедицию и доставить их чертеж, а также предписывая «проведывать пути к Тауйскому и к Ламскому острогам через Ламское⁴ море русскими людьми и ясачными иноземцы, как

¹ Подробнее об этом месте наказа Савостьянову и вообще о сведениях, собираемых русскими о Японии и путях к ней, см. далее в соответствующем разделе настоящей книги.

² К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

³ Подробнее см. в разделе об исследовании Курильских островов.

⁴ Охотское.

мочно», иными словами — разузнать о возможностях прямого морского пути между Камчаткой и побережьем материка через Охотское море.

Таков обширный географический горизонт этого наказа, ставившего задачу получить сведения о Японии, Курилах, народах, обитающих на побережье и островах «Восточного» (т. е. Тихого) океана, и о путях по Охотскому морю. Отметим особо, что это сложное поручение давалось не какому-либо крупному служилому лицу столицы, а якутскому казачьему десятнику, т. е., как бы мы теперь сказали, сержанту, служащему в отдаленной глухой провинции.

Поручения отыскивать новые земли почти всегда включались и в указы лицам, посылаемым для приведения иноземцев в ясак, хотя обычно они не носили такого широкого характера, как данные Савостьянову.

В наказе дворянину Афанасию Петрову (январь 1713 г.), отправляемому «против немерных коряков и в Камчадалский острог», в числе других пунктов говорилось: «... против Камчатской земли жилые острова в море и переливы проводить... какие на тех островах живут люди и под чьим владением и какое богатство и оружие и битву и посадки имеют ли, и русские товары какие им угодны и от Камчатского носу в морях за переливы много ль от материка земли расстояния». ¹ Как обычно, требовалось представить «достоверное явное свидетельство и чертеж».

Некоторые инструкции, как сказано выше, предназначались для проведения отдельных специальных экспедиций. Таков, например, «Указ Камчадалских островов пятидесятнику Осипу Миронову об исследовании острова, находящегося в некотором расстоянии от устья реки Камчатки» (16 февраля 1710 г.). ²

¹ П. С. И., т. II, № 127, стр. 539—540.

² Там же, т. I, № 95, стр. 412—413. В указе говорилось, что «в нынешнем 710 году ведомо учинилось в Якуцком стольнику князю В. И. Гагарину; от устья де Камчатки реки значится в море земля, остров и тебе, Осипу, проведать, какие люди на том острове и какой веры и под чьим владением или собою живут и какой в том острове зверь и иное какое богатство у них есть; и по прямому свидетельству возможно какими судами самому с служилыми людьми и с иноземцы съездить и сметить, сколь далече от устья Камчатки тот остров, и взять о том прямую достоверную ведомость и о том всему учинить чертеж».

В указе говорится, кроме того, о проверке донесений, полученных в Якутске о Карагинском острове, а также «о проведанье против отписки Василия Колесова в Курильской земле дале в нос земли за переливами, в каких судах возможно... и какие острова и земли явятца, и какие люди живут и многоль их, и какой у них зверь есть, описать имянно и учинить о том в Якуцкой подлинную ведомость и чертеж прислать без мотчанья» (т. е. без промедления).

Аналогичного характера указания даны и в наказе от августа 1709 г. удскому приказчику Ивану Сорокоумову о проведывании «от устья реки Уди в море которой значится остров»¹ (речь идет о Шантарских островах), за что ему обещаны награды и возведение в дворянство при выполнении поручения или «жестокое наказание» в случае небрежного отношения. Весьма показательна и «память» Григорию Кузякову со служилыми людьми о розысках морских островов в Ледовитом океане, данная в августе 1714 г.²

Особое место занимает инструкция от 19 декабря 1716 г. якутскому воеводе полковнику Ельчину, вызванному в Москву для личных объяснений по поводу открытий и завоеваний на северо-востоке Сибири и поставленному во главе специально организованной огромной экспедиции — так называемого «Большого Камчатского наряда».³

В ней поручалось:

1) исследовать Камчатку «с землями Чукочь, коряк, юкагир и иных туземцев», заведя с окрестными жителями торговлю; 2) построить остроги и нарядить экспедиции к берегам морей Северного и Восточного, а также по рекам: «Ковыме (Колыме.— Д. Л.), Камчатке, Пеншине, Яне, Охоту, Уди и Тугиру» для проведения и покорения неизвестных земель, лежащих против устьев этих рек; 3) открыть и объяснить сопредельные острова и проведывать иные земли.

Самому Ельчину предлагалось обойти Камчатскую Лопатку для осмотра новых земель и островов и «осведомиться и о той земле, которую иноземцы берут с острова и возят немало судами».⁴

Приведенных примеров, как нам кажется, вполне достаточно для того, чтобы получить представление о характере инструкций петровского времени, связанных с проведением исследований в Сибири и прилегающих к ней морях.

Перейдем теперь к характеристике важнейших этапов этих исследований.

ОТКРЫТИЕ КАМЧАТКИ И ЕЕ ДАЛЬНЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Смутные сведения о Камчатке доходили до русских задолго до петровского времени. Неясные указания на ее существование нашли свое отражение не только в отдельных сообщениях,

¹ Там же, т. II, стр. 494.

² Там же, т. II, № 13. Подробнее о ней говорится в дальнейшем.

³ Сведения об организации и работах этой экспедиции взяты из статьи А. Сгибнеза «Большой Камчатский наряд (экспедиция Ельчина)». — Морской сборник, 1868, т. 99, № 12. Неофициальный отдел, стр. 131.

⁴ Речь идет об одном из Курильских островов, посещенных до этого Козыревским (см. раздел «Первые посещения Курильских островов»).

но и в чертежах.¹ Имеются очень веские основания предполагать, что Федот Алексеев (Попов), организатор плавания вместе с Дежневым в 1648 г. вокруг Чукотского полуострова, попал со своими спутниками на Камчатку, где и умер от цынги, товарищи же его частью были уничтожены, а частью уплыли в неизвестном направлении. Сведения о некоем Федотове (возможно, его сыне), жившем много лет назад в месте впадения р. Никулы, или Федотовки, в Камчатку, передавали Атласову во время его похода камчадалы. Г. Ф. Миллер и С. Крашенинников также приводили данные, подтверждающие этот факт. Но пребывание Федота Алексеева (Попова) со спутниками на Камчатке не внесло ничего реального в историю ее открытия.

Вполне достоверные известия о посещении русскими этого громадного полуострова относятся к 1696 г.

По словам И. К. Кирилова, «сыскана та земля назад близ 30 лет Анадырского острога служилым человеком Морозкою Старициным», который «в 10 человеках служилых людей и платье иноземческом ходил внутрь Камчатки разведать можно-ли оную землю под русскую державу покорить». По возвращении в Анадырь Морозко, «взяв себе командира Володимира Атласова», со 100 служилыми людьми и 200 юкагирами и коряками «ходил на Камчатку войною». Они построили там Нижне-Камчатский острог. Через два года Старицын был убит иноземцами.²

Г. Ф. Миллер приводит аналогичное сообщение: Морозко, по словам Атласова, «не дошел за 4 дни езды до реки Камчатки», а по утверждению самого путешественника — только «за один день». Бесспорно, он достиг р. Тигиль, впадающей в Охотское море, т. е. проник почти до середины полуострова. «В Камчадалском остроге нашел он, между прочим, неизвестные письма, которые и привез с собою».³ Возможно, что они были японского происхождения.

Поход Атласова 1697—1699 гг. Таким образом, Атласов является не первым русским, проникшим на территорию Камчатки. Но его знаменитый «поход» 1697—1699 гг. действительно в первые принес географической науке определенные сведения, так как никто из посетивших Камчатку до

¹ См. раздел о картографии.

² И. К. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 2. М., 1831, стр. 100—101. Кирилов окончил работу в 1727 г. Таким образом, «близ 30 лет» — будет около 1696—1697 г.

³ Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных.— Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. СПб., 1758, стр. 292.

этого не только не имел представления о том, куда, собственно, он попал, но и не сообщил никаких конкретных данных. Поэтому мы вправе приписать Атласову если не честь географического открытия Камчатки, то честь ее первого исследования и описания. Как мы увидим ниже, представленные им «скаска» по богатству содержащихся в них географических и этнографических материалов далеко превосходят все документы многочисленных путешественников по Сибири и Дальнему Востоку XVII в. Вполне прав Л. С. Берг, считая, что «ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII веков, не исключая и самого Беринга (разрядка моя.— Д. Л.), не дает таких содержательных отчетов».¹

Этапы путешествия Атласова, после работы Н. Н. Оглоблина,² достаточно хорошо известны. Устюжский крестьянин по происхождению, мало образованный, но наделенный исключительными способностями наблюдателя и исследователя, пятидесятник Володимер Атласов был в 1695 г. назначен «прикащиком» на один из наиболее трудных и отдаленных постов Якутского уезда — в Анадырский острог. В «памяти», данной ему якутским воеводой Михаилом Афанасьевичем Арсеньевым, глухо говорилось о необходимости прискивать «новые землицы», без прямого указания на Камчатку. Воевода побоялся взять на свою ответственность риск этого тяжелого похода.

Арсеньев в своих отписках в Сибирский приказ «прямо выставляет одного Атласова единственным виновником призыва под государеву руку новой обширной земли. В этом обстоятельстве также нужно видеть доказательство того, что мысль о Камчатском походе принадлежала именно Атласову, а не якутскому воеводе Арсеньеву или кому-либо другому».³ Весьма характерно также и то, что Атласов «ходил на своих проторях», т. е. на свой счет, «одолжаясь, займуя в кабалы, и служилых и промышленных людей (бывших с ним) порохом своим и займуя ссужал». Все это он «безденежно» раздавал своим спутникам.⁴

Таким образом, мы вправе утверждать, что это исследование Камчатки было задумано и проведено на свой страх и

¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946, стр. 60.

² Н. Н. Оглоблин. Новые данные о Владимире Атласове.— Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Московском ун-те. 1888, кн. 1 (144), отдел II, стр. 1—30, и вторая работа: Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки.— Чтения..., 1891, кн. 3 (158), отдел I. Материалы исторические, стр. 1—18.

³ Там же, стр. 6.

⁴ Там же.

риск одним из отважных русских «землепроходцев», какими был так богат XVII в. Остановимся кратко на основных этапах похода.¹

«Явившись в 208 году июня в 3 день (3 июня 1700 г.) в Якутскую приказную избу, перед стольником и воеводою Дорофеем Афанасьевичем Граурнихтом, да перед дьяком Максимом Романовым якутский пятидесятник казачей Володимер Отласов» показал, что «... в том же 205 (1697) году, по наказной памяти, пошел он, Володимер, из Анадырского на службу великого государя для приску новых земель и для призыву... вновь неясачных людей... А служилых де и промысленных людей ходило с ним, Володимером, 60 человек, да для соболиного промыслу Анадырских ясачных юкагирей 60 человек».² Так начал Атласов рассказ о своем походе.

После «полтрети недели» (т. е. после 2½ недель) путешествия достигли устья р. Пенжины, откуда ехали «на оленях подле моря две недели и от того Камчатского носа, по скаскам иноземцев — вожей, пошли они чрез высокую гору и пришед к люторским острогам, к иноземцам к люторам».³ Таким образом, в самом начале странствований по полуострову Атласов прошел его с запада на восток, дойдя до коряков — олюторцев, «сидевших» по р. Олюторе (Алюторе). Отсюда он отпустил половину своего отряда, во главе которого поставил Морозко, к «Люторскому», т. е. Берингову, морю «для проведывания той земли и островов и для призыву под царскую великодержавную руку вновь неясачных людей». Сам же Атласов с оставшимися спутниками вернулся к «Пенжинскому морю» и пошел по побережью на юг, встречая коряков и часто вступая с ними в бой.

У р. Паланы на отряд напали жившие там юкагиры, убившие и ранившие несколько человек казаков и промышленников. Атласов тоже был ранен «в шти местах». Идя далее на юг и достигнув устья р. Кагила (Тигиль), Атласов, «по чело-

¹ В дореволюционной русской литературе исследования Н. Н. Оглобина являются основными, хотя имеются и другие статьи. «Две «скаска» Вл. Атласова...», опубликованные Н. Н. Оглобиным, перепечатаны в книге «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке». — Сб. архивных документов. Л., 1935.

Из числа советских работ можно указать на глубокий анализ «скаска», данный Л. С. Бергом в его труде «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга». М. — Л., 1946, стр. 58—77.

Имеются и популярные статьи, как, например, Л. Г. Каманина «Первые исследователи Дальнего Востока». М., 1946, стр. 5—17.

² Н. Н. Оглобин. Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки. Сказка первая 1700 г. (Точно день и месяц начала похода до сих пор не установлены.)

³ Там же, стр. 6. Вожи — провозатые.

битью» сопровождавших его людей, повернул вглубь полуострова, выйдя в июне-июле 1697 г. к устью р. Канучи, впадающей в Камчатку. Там они водрузили крест с надписью: «205 году июля 18 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов, с товарищи», сохранившийся до прихода через 40 лет в эти места Степана Крашенинникова.

Оставив здесь своих оленей, Атласов со служилыми людьми и с ясачными юкагирами и камчадалами «сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. Иплыли три дни», снова призывая местное население в ясак и «громя» непокорившихся. Затем, вернувшись обратно вверх по р. Камчатке до старого места и обнаружив, что коряки угнали оленей, отряд пустился за ними в погоню и, «сугнав (т. е. нагнав.— Д. Л.) их у Пенжинского моря, поставили они с ними служилыми людьми бой, и бились день и ночь, и... коряк человек ста с полтора убили, и олени отбили и тем питались, а иные коряки разбежались по лесам». Продолжая свое путешествие по побережью Охотского моря, Атласов снова спустился к югу, достиг р. Ича и продвинулся еще далее к оконечности полуострова, «а до Бобровой реки, которая на Пенжинской стороне, не доходил он, Володимер, за три дни». Что это за река — точно установить трудно.

Н. Н. Оглоблин, ссылаясь на документы Сибирского приказа, говорящие о некоей р. Инка, и считая, что, возможно, ею являлась безымянная река, впадающая в Курильское озеро,¹ полагает, что крайняя точка пути Атласова была несколько южнее р. Гольгиной (Нынгычу или Нынгучу). Л. С. Берг думает, что Атласов доходил до р. Гольгиной, «устье которой рядом с устьем Опалы».²

Учитывая слова Атласова о том, что он как бы видел «против первой Курильской реки на море остров», надо полагать, что путешественники прошли несколько южнее р. Гольгиной (см. фиг. 1).

Вернувшись отсюда на Ичу и поставив там зимовье, Атласов снова отправил на р. Камчатку отряд из 15 служилых людей и 13 юкагиров, во главе с Потапом Сердюковым. Оставшиеся на Иче с Атласовым «подали ему за своими руками челобитную, чтоб им с той Ичи реки итти в Анадырский острог, потому что у них пороху и свинцу нет, служить не с чем». Просьба эта была уважена, и 2 июля 1699 г. путешественники вернулись обратно.

¹ Н. Н. Оглоблин. Новые данные о Владимире Атласове.— Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Московском ун-те. 1888, кн. 1 (144), отдел I.

² Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946, стр. 69.

Итак, Атласов не только прошел западное побережье огромного полуострова почти до крайнего юга, но и проник далеко вглубь его. Вспомним об условиях похода. Все время, за исключением короткого плавания по р. Камчатке, «ходили они по той Камчатской земле летом и зимою на оленях и зимой тех оленей впрягают в нарты, а летом на оленях ездят верхом с седлами, а седла бывают деревянные». ¹ Преодолевая тяжелые природные препятствия, выдерживая бои с местным населением, Атласов не переставал внимательно наблюдать и тщательно записывать виденное им. Его «скаска» представляют собой первое в мировой истории географической науки описание неизвестного дотоле европейцам полуострова Камчатки и, как уже указывалось, содержат массу ценнейшего этнографического и географического материала. Особенной подробностью отличается вторая «скаска», представляющая показания Атласова, данные им 10 февраля 1701 г. в Сибирском приказе в Москве.

Сведения, представленные Атласовым, если их систематизировать, можно разбить на три основных раздела: 1) описания местных жителей, их быта и экономики, 2) физико-географическое описание страны и 3) сообщение об островах и землях, находящихся вблизи Чукотского и Камчатского полуостровов.

Данные, касающиеся населения Камчатки, исключительно интересны и говорят как о территориальном распределении, конечно без точного указания границ, так и о внешнем облике жителей и разных сторонах их быта и хозяйства: «А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их же братья — шеманы: вышеманят о чем им надобно, бьют в бубны и кричат. А одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу и всякого зверя и нерпу. А юрты у них олени и ровдужные. ²

А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные подобные остяцким юртам.

А за теми люторцы живут по рекам камчадалы возрастом ³ невелики с бородами средними, лицом походят на зырян. Одежду носят соболью и лисью и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимние земляные, а летние на столбах, вышиною от земли сажени по три, намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам.

¹ Н. Н. Оглоблин. Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки. Скаска вторая 1701 г., стр. 13.

² Т. е. снятые из оленьих кож.

³ Т. е. ростом.

И юрты от юрт поблиску, а в одном месте юрт ста по 2, и по 3, и по 4.

А питаются (камчадалы.— Д. Л.) рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею, а та рыба изноет, и тое рыбу, вынимая, кладут в колоды и поливают водой и, разжегши камня, кладут в те колоды и воду нагревают и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадный дух, что русскому человеку по нужде терпеть мочно. А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадалы сами, а иная посуда у них есть левкашенная и олифляная, а сказывают оне, что идет к ним с острова, а под которым государством тот остров, того не ведают.¹

Это место, приведенное дословно, в той последовательности, как оно написано во второй «скаске», ярко говорит об особенностях изложения, о достаточной его систематичности и об исключительной точности сообщаемых сведений.

В других местах того же отчета разбросаны дополнительные данные о камчадалах. Из них мы узнаем и о больших байдарах сажен в 6 длины и сажени 1½ ширины, вмещающих по 20—40 человек, и о политическом строе.²

Говоря о хозяйстве местных жителей, Атласов отмечает большое значение собак: «а скота никакова у них нет, только одни собаки, величиною против здешних, только мохнаты гораздо, шерсть на них длиною в четверть аршина».³ Останавливается он, конечно, и на охоте и рыболовстве: «А соболей промышляют кулемами⁴ у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на деревье стреляют».

Впрочем, соболиный промысел был в то время развит на Камчатке далеко не повсюду. Так, о «люторах», живущих на самом севере, в районе, где «соболи де от них по горам недалече белые», В. Атласов сообщает: «соболей де они не промышляют, потому что в соболях они ничего не знают», т. е. не понимают.⁵ Точно так же и на юге полуострова,

¹ Л. С. Берг полагает, что здесь речь идет о японской лакированной посуде, попадавшей сначала к дальним курильцам, а от них к ближним и на Южную Камчатку (Л. С. Берг. Открытие Камчатки..., стр. 66—67).

² «Державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богаче, того больше и почитают. И род на род войною ходят и дерутся»; о браке: «а жен имеют всяк по своей мочи — по одной, и по 2, и по 3, и по 4».

³ Эти слова очень точно описывают типичных ездовых лаек. «Против здешних» — одинаковые со здешними.

⁴ Т. е. особыми ловушками. Способ, широко распространенный в то время по всей Сибири и Дальнему Востоку.

⁵ Н. Н. Оглобин. Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки. Скаска первая 1700 г., стр. 6.

«наехав на Курильских мужиков 6 острогов», он отмечает: «а соболей и лисиц о их земле гораздо много, только они их не промышляют, потому что от них соболи и лисицы никуда не идут»,¹ т. е. не имеют сбыта. Между прочим, упоминание о курилах, живших на самом юге полуострова, является, повидимому, первыми сведениями о народе, до тех пор не известном.

Атласов не мог, конечно, обойти и вопросы сельского хозяйства и, особенно, торговли, привлекавшие, как мы знаем, в течение всего XVII в. пристальное внимание русских «землепроходцев». Верно подметив сравнительную мягкость климата Камчатки, он говорит: «а в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают». О торговле: «а товары к ним надобны: адекуй лазоревой, ножи. А у них против того брать соболи, лисицы, бобры большие, выдры».² В другом месте к этому списку прибавляются: «железо, ножи и топоры и палмы, потому что у них железо не родится».³ До прихода русских коряки и камчадалы не знали металлов и переживали каменный век.

Тщательно отмечается и число встречавшихся поселений — «острогов», в которых число юрт иногда доходило до 300—500.

Острогами называли «юрты», т. е. камчадалские землянки, которые после прибытия русских обычно обводились земляным валом и частоколом. Л. С. Берг полагает, что к концу XVII в. в низовьях Камчатки жило около 25 тыс. человек. К началу 40-х годов XVIII в. число их сократилось по крайней мере вдвое. Причины вымирания: занесенная русскими оспа, а затем восстания, во время которых много камчадалов было истреблено.⁴

Постоянно сражаясь с местными «иноземцами», Атласов, естественно, уделял большое внимание способам ведения войны:

«...огненного ружья гораздо боятся и называют русских людей огненными людьми... и против огненного ружья стоять не могут, бегут назад. И на бои выходят зимою камчадалы на лыжах, а коряки оленные на нартах: один правит,

¹ Там же, стр. 10. «Курилы, жившие на юге Камчатки, это айны, смешавшиеся с камчадалами... Остатки айнской географической номенклатуры до сих пор встречаются на самом юге Камчатки». (Л. С. Берг).

² Там же. Скаска вторая, стр. 15. Лазоревой адекуй — голубой бисер. Большой бобр, по мнению Л. С. Берга, — морской бобр.

³ Палмы — широкие железные ножи.

⁴ Л. С. Берг. Там же, стр. 64.

а другой из лука стреляет... А летом на бои выходят пешком, наги, а иные и в одежде». ¹

Таков разнообразный круг этнографо-географических сведений о жителях Камчатки.

Описания природы, встречавшиеся в официальных документах путешественников XVII в., обычно были хотя и очень меткими, но крайне беглыми. О рельефе говорилось лишь как о «камени» или о ровной степи, о климате — что он студеный, о растениях — преимущественно культурных полевых.

В Атласов уделяет своеобразной природе Камчатки гораздо больше внимания. Характеристики ее, рассеянные в разных местах его отчетов, значительно полнее, особенно в части, касающейся фауны и флоры.

«А в Камчатской и в Курильской земле ягоды брусница, черемуха, жимолость величиною меньше изюму. Да ягоды же растут на траве от земли в четверть, а величиною та ягода немного меньше курячья яйца, видом созрелая зелена, а вкусом, что малина, а семена в ней маленькие, что в малине. А на деревьях никакого овоща не видал.

А есть трава, иноземцы называют агатитка, вышиною растет в колено, прутиком, и иноземцы тое траву рвут и кожицу счищают, а средину переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, и как высохнет, будет бела и тое траву едят — вкусом сладка, а как тое траву изомнет, и станет бела и сладка, что сахар.

А деревья растут кедры малые, величиною против можжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, листовичнику, ельнику на Камчадальской стороне много, а на Пенжинской стороне по рекам березник да осинник». ²

Эта полностью приведенная выдержка из второй «скаска» 1701 г. говорит сама за себя.

Столь же обстоятельно и описание фауны. В обоих «скасках», опубликованных Н. Н. Оглоблиным, прежде всего встречаются указания на животных, доставляющих столь

¹ Н. Н. Оглоблин. Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки. Скаска вторая 1701 г., стр. 15.

² По мнению Л. С. Берга, ссылающегося на С. Крашенинникова и некоторых других исследователей, растения эти следующие: крупные ягоды, похожие вкусом на малину, — так называемые «кукушкины тамарки» из семейства лилейных. Плод очень сладок и «вкусом так приятен, как с легким квасом яблоки». Корень едят в свежем виде или сушеном с икрой. Трава агатитка — «сладкая трава» из семейства зонтичных. Местные жители добывали из нее сахар, а русские гнали вино. Л. С. Берг отмечает лишь отсутствие упоминания о двух очень важных пищевых растениях Камчатки — саране и черемше.

Малый кедр — *pinus pumilia*, кустарниковый кедр, «орехи которого играют важную роль в жизни не только местных жителей, но и медведя и соболя» (Л. С. Берг. Открытие Камчатки..., стр. 72—74).

ценимую в XVII в. «рухлядь» (меха): «а соболей де у них на устье Пенжины нет», а на северо-востоке полуострова у «люторцев» — белые по горам, у «Курильских мужиков», как это уже указывалось выше, много соболей и лисиц, но они «плохи, для того, что место стало быть теплое. А бобров больших и лисиц красных много». Говорится и о морских зверях: «а в море бывают киты великие, нерпа, каланы, и те каланы выходят на берег на большой воде, а как вода убудет, и каланы остаются на земле и их копиями бьют и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут, потому что ноги у них самые малые, а береги дресвяные, крепкие». ¹ Названия животных, как видим, перемежаются с рассказами о способах их ловли. Так же обстоятельно говорится о рыбах и птицах Камчатки.

Совершенно правильно подмечает Атласов, описывая «овечину» (чавыча из породы лососевых), что «идет той рыбы из моря по тем рекам гораздо много и назад та рыба в море не возвращается и помирает в тех реках и завадях. И для той рыбы держится по тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры». Перечисляется и множество птиц, особенно в «Курильской земле», т. е. на юге полуострова: утки, чайки, лебеди и т. д. Говорится и об их сезонных перелетах. Тут же дается и объяснение этого явления: «а летом те птицы отлетают, а остается их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы большие и молния бывает по часту. И чаёт он, что та земля гораздо подалась на долдень» (т. е. к югу).

Нарисованная Атласовым разносторонняя картина растительного и животного мира Камчатки оказалась настолько правильной, что впоследствии крупные русские ученые XVIII—XX вв., занимавшиеся ею (С. П. Крашенинников, В. Л. Комаров, Л. С. Берг), легко установили точные научные названия перечисленных им представителей фауны и флоры и не отметили существенных ошибок. Весьма показательно то, что описание Атласова не ограничивается голым перечислением названий; помимо внешней характеристики, он часто отмечает связь с климатическими особенностями, а также способы добычи и хозяйственное использование.

Что касается климата, то о нем говорится особо в ряде

¹ Белыми соболями Атласов называл их потому, что они имели более светлую окраску, чем восточносибирские, что сильно снижало их ценность.

Большой бобр — морской (калан). Каланы — крупные морские выдры, обычно и до сих пор называемые морскими бобрами. Дресвяные берега, т. е. берега, состоящие из дресвы — мелких камней, напоминающих гальку, но не окатанных волной и имеющих острые края.

мест. Например: «а зима в Камчатской земле тепла против Московского, а снега бывают небольшие, а в Курильских островах снег бывает меньше. А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго против Якуцкого близко вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает». Последнее, конечно, совершенно неверно, так как даже самый юг Камчатки, лежащий под 51° с. ш., находится далеко от тропика. Но большая продолжительность зимнего дня на Камчатке сравнительно с Якутском, если иметь в виду ее юг, подмечена правильно, так же как и мягкость ее зим при сопоставлении с московскими и их малоснежность — очевидно, на западном побережье, которое только и было хорошо знакомо пятидесятнику Атласову.

Очень образно обрисованы вулканы полуострова: «а от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора, подобна хлебному скирду, велико гораздо и велика, а другая близ ее ж подобная сенному стогу и высока гораздо, из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы, буде человек взойдет до половины той горы, и там слышат великий шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди всходили, назад не вышли, а что тем людям учинилось — не ведают.

А из под тех гор вышла река ключевая, в ней вода зелена, а в той воде, как бросят копейку — видеть вглубину сажени на три».

Суеверный страх перед огнедышащими горами был широко распространен не только среди жителей Камчатки, но и у других некультурных народов. Весьма показательно то, что сам Атласов, не только впервые видевший вулканы (Ключевскую сопку), но и, вероятно, никогда не слышавший о таком грозном явлении природы, не поддался суеверию или во всяком случае ничем не обнаружил его. Он лишь отметил исчезновение по неизвестной причине людей, всходивших высоко на гору. Эта трезвость, присущая большинству русских «землепроходцев» не только петровского, но и гораздо более раннего времени, весьма выгодно отличает их рассказы от сообщений многих иностранных путешественников — их современников.¹

Лишь речной сети Атласов уделяет меньше внимания сравнительно с другими «землепроходцами». Путь его проходил почти исключительно по суше на оленях. Да и реки Камчатки

¹ Подробно этот вопрос разобран в нашей работе «География России XVII века (допетровской эпохи)». М.—Л., 1949.

не сравнимы по своему значению с могучими водными артериями Сибири и Дальнего Востока. Точно так же ему не удалось получить сведений о полезных ископаемых: «а руды серебряные и иные какие есть ли, того не ведает и руд никаких не знает».

Наконец, Атласов сделал несколько беглых замечаний и о море, окружающем полуостров, отметив особенности его ледового режима на северо-востоке и северо-западе.

Что касается третьего круга вопросов (о землях, лежащих недалеко от Камчатки), то Атласов сообщил о находящейся близко от Чукотки Большой Земле (Америке) и о том, что «против первой Курильской реки на море видел как бы остров есть» (разрядка моя.— Д. Л.), о чем ему передавали и курилы.¹

Во время своего путешествия «услышал он, Володимер, с товарищи, у камчадалов есть де на Нане реке полоненик и называют они, камчадалы, ево русаком. И он де, Володимер, велел его привести к себе, и... сказался тот полоненик ему, Володимеру: он де Узакинского государства, а то де государство под индейским царством. Шли де они из Узакинского государства в Индею на 12 бусах, а в бусах де у них было у иных хлеб, у иных вино и всякая ценинная посуда».² Вследствие поломки мачты мореплавателей носило по морю 6 месяцев и прибило 12 человек к берегу.³ Трех «Курильского народу мужики» взяли в плен. Остальные «подле того же морского носу в стругу утребли вперед и пропали». Двое из его товарищей померли, «потому что они к их корму непривычны: кормятся де они, курилы, гнилою рыбою и кореньем. И тот де индеец им, Володимиру с товарищи, что они русково народа, обрадовался и сказал про себя, что он де

¹ Первая Курильская река — повидимому, р. Голыгина (Нынгычу). Л. С. Берг (Открытие Камчатки..., стр. 133) утверждает, что Атласов «не только собрал расспросные сведения о Курильских островах, но, без сомнения, первый из русских в 1697 году видел один из них». При этом Л. С. Берг ссылается на местные источники, говорящие, что с р. Голыгиной можно наблюдать самый северный и высокий остров Алайд.

Трудно утверждать, так ли это было в действительности. Дальность расстояния и слово «как бы», осторожно написанное Атласовым, дают законный повод для сомнений. Бесспорно то, что Атласов первый из русских получил некоторые сведения о Курилах.

² Н. Н. Оглоблин. Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки.— Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Московском ун-те, 1891, кн. 3 (158). Скаска первая, стр. 8—9. Ценинная посуда— фарфоровая и фаянсовая.

³ Г. Ф. Миллер (Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю..., СПб., 1758, стр. 292—293) обоснованно считал, что это случилось при устье р. Опалы, впадающей в Охотское море.

по своему грамоте умеет и был подъячим и объявил книгу индейским письмом и ту книгу привез он, Володимер, в Якутской». ¹ В. Атласов взял его с собой, но «индеец», непривычный к ходьбе на лыжах, заболел и был отправлен обратно в Анадырск, откуда доставлен в Якутск и впоследствии в Москву.

Пленный в действительности оказался японцем, жителем г. Осака на острове Хондо. Он сообщил сначала Атласову, а затем в Москве ценные сведения об этом государстве (о чем будет сказано особо).

В. Атласов взял с собою в Анадырск также и одного камчадалского «князца» «для подлинного о той земле уведомления» и хотел привезти его также в Москву. Но на пути из Якутска «князец» умер от оспы.

Заканчивая этот обзор открытия Камчатки, скажем несколько слов о дальнейшей судьбе самого пятидесятника.

По возвращении из похода в Якутск с ясаком (в числе которого были и 10 каланов, до того не известных русским) и по снятии допросов — «скасок» — В. Атласов выехал в Москву.

Точное время отъезда установить не удалось, но, бесспорно, уже в начале 1701 г. он находился в столице, так как вторая из опубликованных Н. Н. Оглоблиным его «скасок», данных в Сибирском приказе, имеет дату 10 февраля 1701 г. В Москве он подал несколько челобитных Петру I, прося назначить его якутским казачьим головою, что и было в конце концов исполнено. По возвращении обратно на Дальний Восток Атласов снова поехал на Камчатку, где 1 февраля 1711 г. был убит в своем доме в Нижне-Камчатском остроге несколькими из его подчиненных.

Дальнейшее исследование Камчатки и близлежащих островов. Дальнейшее ознакомление с Камчаткой стало осуществляться тотчас же по получении донесений Атласова, вызвавших, естественно, живейший интерес у центральных и местных властей.

До 1716 г. связи с полуостровом поддерживались только сухим путем по материку. Чтобы представить себе всю трудность этого дела, остановимся кратко на особенностях такого путешествия.

Дорога из Якутска обычно занимала около полугода. Шли окружным путем на северо-восток до Анадырска, преодолевая многочисленные препятствия суровой природы, пересекая реки, тайгу, горы, тундру. Прибытие в Анадырск составляло

¹ Н. Н. Оглоблин. Там же, стр. 9.

лишь половину дела. А. Сгибнев¹ дает красочное описание дальнейшего похода:

«Казачи укрепили Акланский острог и построили новый на р. Олюторе. Из острогов этих для сокращения перехода в Камчатку партии отправлялись водою на небольших судах: чаще из Акланска вниз по р. Пенжине и Пенжинскою губою до р. Тигиля или же из Олюторска к восточному побережью до р. Камчатки. Лодки строились против устья р. Черной на р. Пенжине из осины сажень 5—5½ длиною, шитые ивовыми прутьями и проконопаченные мхом, паруса делали ровдужные из оленьей кожи, а вместо якорей служили небольшие камни. На этих лодках казаки и добирались до устья Пенжины, затем вдоль побережья Камчатки до р. Тигиля, откуда шли на камчатских ботах вверх по реке, потом переносили их волоком на р. Еловку, спускались по ней на р. Камчатку и достигали Нижне-Камчатского острога».

Другой вариант отличался тем, что плавание на судах от Пенжины прекращали у р. Пустой или р. Лесной.² От них следовали уже сухим путем на восток к Нижне-Камчатскому острогу.

Вполне понятно, что московские и якутские власти стремились организовать непосредственное морское сообщение с побережьями Камчатки. Но до осуществления этого приходилось пользоваться окружной сухопутной дорогой.

Уже в 1700 г. Иван Шамаев был отправлен с приказчиком Тимофеем Кобелевым в Камчадальский острог; «...и шли они с Анадыря до Пенжины на оленях и, поделав на Пенжине в море суды, и шли подле Камчацкой нос морем в судах до пустого острога, и теми де судами морем не пропустило». ³ Из-за невозможности дальнейшего плавания оба служилых человека на оленях «поднялись через хребты на Камчатку». Отсюда Шамаев был послан на Пенжинское (Охотское море) «и против де реки Харьюзовы (р. Хайрюзова.— Д. Л.) камень голец виден, а на матерой или на острове, того де он не ведает». Возвращаясь в одиночестве обратно, Шамаев «...видел против Караги реки в море значится остров, и на том де острове Иван Голыгин с товарищи, трое человек в байдарах для проведывания к иноземцам ездили, а гресть до того острова в байдарах день, и на том де острове они людей видели и

¹ А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке (1650—1742).— Морской сборник, 1869, т. 101, № 4, стр. 98. (Текст Сгибнева несколько сокращен).

² Река Пустая впадает в Пенжинскую губу на самом севере Камчатки; р. Лесная — несколько южнее, уже в Пенжинский залив, между 60 и 59° с. ш.

³ П. С. И., т. II, № 118, л. 6.

ясаку просили... а вдаль де они на тот остров за малолюдством ходить не смели и бояся их, иноземцов, воротились назад. А после его, Ивана, на том острове русские люди никто не бывали, и много ли том острове людей, про то подлинно никто не ведает».¹

Эта справка, составленная, как обычно для «землепроходцев», с возможной добросовестностью, служит доказательством того, что остров Карагинский, находящийся примерно в 40—50 км от бухты, в которую впадает одноименная река, был не только известен, но и посещен русскими не позже 1700—1701 гг.

Алексей Поротов, посланный в 1704 г. и шедший из Анадыря на Пенжину и на Камчатку на оленях и собаках, сообщил о Карагинском острове те же сведения, что и Шамаев.²

В 1702 г. на Камчатку отправили Михайло Наседкина с приказчиком Многогрешным (он же Зиновьев). «И шли де они из Анадырского до Пенжинского острогу на оленях и на собаках и на Пенжинах, поделав суды карбасы, выплыли в Пенжинское устье и взяли у Ясашных коряк байдары и в тех байдарах пошли они морем на Камчатку и, дошед до Лесной реки, заосеновали (т. е. остались до осени.— Д. Л.) и осенью, поделав нарты и лыжи, пришли на Камчатку (реку.— Д. Л.) и с Камчатки доходили они вниз по Камчатке в поход на немирных камчатцких мужиков. И против Камчатского устья значится остров, а какие на том острове люди есть, того де он, Михайло, не ведает, и преж сего на том острове люди бывали ль, того де он, Михайло, ни от кого не слыхал».³

Таким образом, в начале 1700 г., за 40 лет до плавания Беринга — Чирикова, русские уже получили первые, хотя и очень туманные сведения о Командорских островах, а не позже 1710 г. эти сведения уже достигли Якутска.

Но в сообщении Наседкина имеется и другое весьма интересное место: «Да его, Михайла,... послал В. Колесов в Курильскую землю на немирных людей, и они де шли в ту землю на собаках и проводывали от Курилского острогу дале в нос земли, и от того де места дале земли в нос нет, пришло море, только видеть в море за переливами земля, а проводывать де

¹ Там же.

² Там же.

³ Это известие содержится также в акте допроса Траурнихтом служилых людей 20 февраля 1710 г., на который уже делались неоднократные ссылки. Повидимому, опираясь на сообщение Наседкина, конечно, известное воеводе несколько ранее вышеуказанного допроса, он 16 февраля 1716 г. послал приказчику Миронову приказ, о котором уже говорилось ранее, — произвести обследование этого острова. Был ли приказ выполнен — неизвестно.

той земли не на чем». Эти строки говорят о том, что Наседкин с товарищами дошел до крайней южной точки Камчатки — «носа земли», т. е. до мыса Лопатки, и впервые определенно видел сам и впервые донес о находящихся за проливом Курильских островах (если не считать довольно неуверенного сообщения Атласова).¹

Поиски островов, находящихся недалеко от Камчатки, продолжались. Они проводились все еще с самого полуострова, до которого продолжали добираться сухим путем через Чукотку. Интересовались как островами, лежащими к югу «за переливами», так и расположенными против устья р. Камчатки, т. е. Командорскими.

ПЕРВЫЕ ПОСЕЩЕНИЯ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Остановимся несколько подробнее на первых посещениях Курильских островов.²

После отписки камчатского приказчика Колесова в 1706 г. и показаний, полученных в Якутске в 1710 г., интерес к таинственным землям за «перелевами» особенно возрос.

¹ Напомним, что Курильской землей документы того времени называли не острова, а южную оконечность Камчатки. Нос земли — мыс Лопатка. Переливы или перелевы — обычное название проливов.

Сообщение Наседкина взято из того же допроса 1710 г. Но в этом же документе имеется ссылка на отписку, посланную в Якутск в 1706 г. приказчиком Колесовым о путешествии Наседкина. Как из отписки, так и из непосредственного показания самого Наседкина не вполне ясен год этого открытия. Во всяком случае, оно должно было произойти после 1702 г. и не позже 1706 г. Колесов пишет просто: «Посылал де он, Василей, в Курильскую землю служилых людей... и пришед, служилые люди сказали: проводывали де они от Курильского острогу дале в Нос Земли» и т. д. Скорее всего, Наседкин, отправленный на Камчатку еще в 1702 г., видел «переливы» раньше 1706 г.

² М. А. Сергеев (Курильские острова. М., 1947, стр. 65), ссылаясь на работы Позднеева и Сноу, указывает на открытие Курил русскими еще в период 1643—1654 гг. Сноу, на которого ссылаются Позднеев и Сергеев, не приводя конкретных доказательств, говорит об этом осторожно: «приписывают ее открытие также купцу Тарасу Стадукину, приплывшему к ним в 1654 году из реки Колымы. Пройдя Берингов пролив, он держался берега Камчатки и, дойдя до его южной оконечности, совершил открытие Курильской гряды» («Курильская гряда. Заметки члена Королевского геогр. об-ва капитана Сноу». — Зап. Об-ва изучения Амурского края, т. 8, вып. 1. Владивосток, 1902). Одно сообщение Сноу недостаточно убедительно для того, чтобы, опираясь именно на него, считать середину XVII в. периодом первых посещений русскими Курил. Однако надо иметь в виду, что в связи с новыми исследованиями, произведенными советскими учеными о русских географических открытиях XVII в., время многих из этих открытий оказывается гораздо более ранним, чем было принято считать. Поэтому весьма вероятно, что Сноу передает отголоски какого-либо действительно бывшего путешествия, более достоверные известия о котором не обнаружены до настоящего времени.

Выше уже отмечалось, что приказчику пятидесятнику Осипу Миронову в феврале 1710 г. было дано соответствующее распоряжение, а в сентябре того же года на полуостров с обширными поручениями послали Василия Савстьянова, которому, между прочим, также вменялось в обязанность проведать о Курильских островах.¹

Для исполнения этого поручения были посланы «Данила Яковлев сын Анциферов и Иван Петров сын Козыревской», замешанные в убийстве Атласова и вымаливавшие себе избавление от смертной казни обещанием открытия «новых земель».

В челобитной царю, отправленной 26 сентября 1711 г. ими и другими соучастниками преступления, сообщалось об этом путешествии. Это первое достоверное письменное сообщение о том, что русские достигли Курил и высадились на острове Шумшу (Сюмсу).²

Отправившись далее, Козыревский с Анциферовым посетили за другим переливом (вторым Курильским проливом) остров Парамусир, о котором также сообщили некоторые сведения.³

В той же челобитной упоминается об отбитых ими у местных немирных иноземцев Камчатки в прошлом 1710 г. «жителях Апонского государства», от которых они получили дополнительные сведения.⁴

Оживленная переписка между Якутском и Камчаткой по поводу новых открытий продолжалась все время.

¹ «И тебе Василью у Лухторских мужиков у моря, поделав суды, какие прилично, за перелевами на море земли и людей всякими мерами, как мочно, проведывать, и буде явятца на той земле люди... ясак с них собирать... и той земле учинить особый чертеж».

² П. С. И., т. I, № 109. В этом сообщении сказано: «А в нынешнем, государь, в 711 году, мы, раби твои, с Большой реки, августа с 1 числа, в ту Курилскую землю край Камчадалского Носу ходили. И где прежде сего служилые люди у Курилского острогу были, и от того места до самого краю Камчадалского носу 2 дни ходу, и с того носу мы, раби твои, в мелких судах и байдарах за переливами на море на островах были и до той земли доходили, где велено нам, рабом твоим,... проведать и дать той земле особой чертеж. И будучи мы, раби твои, за первым перелевом на первом острове на усть Кудтугана реки, те Курилские мужики, скопився в многолюдстве, дали с нами бой крепкой».

³ Впрочем, посещение ими в этот раз острова Парамусир нельзя считать вполне бесспорным. Один из казаков, участвовавших в бунте против Атласова и других приказчиков,— Григорий Переломов, ездил в 1711 г. вместе с Козыревским и Анциферовым на Курилы и также сообщил в челобитной, что они были на двух островах. Впоследствии он изменил это показание, утверждая, что о втором острове «они, Григорей с товарищи, написали в челобитной и в чертеже своем ложно». (П. С. И., т. II, стр. 536).

⁴ Вопрос этот будет рассмотрен несколько подробнее при анализе сношений с восточными государствами.

6 октября 1711 г. «отпиской» якутского воеводы тому же Колесову было приказано отправиться до самой южной оконечности Камчатки, измерить, как далеко она простирается до моря, выяснить, действительно ли Камчатка полуостров или на юге она соединяется с другими землями, узнать о ближайших островах и их населении. Как обычно, предписывалось обо всем составить «ведомость» и «учинить чертеж».¹

В 1712 г. Колесов поручил Ивану Козыревскому узнать «...о мере с Большой реки Носовой земли до переливу и за тем переливом о островах морских».² Козыревский действительно подал Колесову «в Верхнем остроге в Ясашной избе за своею рукою, чертеж и доезд».³

В апреле 1713 г. Козыревский во главе отряда из 55 служилых и промышленных людей и 11 ясашных иноземцев еще раз был послан Колесовым за переливы «для проведывания морских островов и Японского государства». Толмачом с ним отправили японца Сана.⁴ В отписке 13 октября 1714 г. Петра Татаринова якутскому коменданту полковнику Ельчину⁵ говорится о том, что Козыревский был на трех островах и с двух с боем взял языков, «...да одежды крапивные и дабинные и шелковые и сабли и котлы он, Иван, взял же... и тех иноземцев и одежды и сабли и котлы привез он, Иван, на Камчадалские остроги и подал де всему за своею рукою и тем островам чертеж, даже и до Матманского острова».⁶ Третий остров — Онекотан. Повидимому, Козыревский на нем не был. Но во всяком случае, он посетил два первых и

¹ П. С. И., т. I, № 110, стр. 470: «...с лутчими верными ясачными иноземцы итить в Нос Камчатские земли к морю, покаместа того Камчатского носу земли до моря явитца,—смерить много ль по смете той земли верст, или та камчатская земля распространилась к иным окрестным государствам, и около той земли какие острова, и каких вер люди живут, и которых государств под владением и какое у них богатство и ружье и о том велено ему взять подлинную достоверную ведомость и о всем учинить чертеж и... прислать с Камчатки нарочно в Якуткой».

² Там же, т. I, стр. 542.

³ Там же. Л. С. Берг (Открытие Камчатки..., стр. 141) не считает доказанной действительность самого похода. Но по контексту донесения Колесова нет оснований думать, что его приказ не был выполнен. Г. Ф. Миллер (Описание морских путешествий..., стр. 299—300) утверждает, что эта поездка состоялась также под начальством Козыревского. А. В. Ефимов (Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. Л.—М., 1948, стр. 86) также не сомневается в реальности похода Козыревского в 1712 г.

⁴ Там же, т. I, стр. 543. Японец Сана или Сан — пленник с разбитого японского корабля, захваченного в 1710 г. А. Сгибнев (Исторический очерк главнейших событий в Камчатке 1650—1742.— Морской сборник, 1869, т. 101, № 4) называет его Сангина.

⁵ Там же, т. II, № 14.

⁶ Матманский остров — очевидно, остров Хоккайдо.

представил не только чертеж их и ряда других Курильских островов, но и краткое описание, почерпнутое по преимуществу из расспросов местных жителей и потерпевших крушение японцев.

В 1726 г. Козыревский «сделал сообщения В. Берингу о своих открытиях к югу от Камчатки и еще до того представил чертежи Курильских и Японских островов».¹ В этом сообщении имеется также чертеж Камчатки с пояснительными надписями и некоторыми сведениями, главным образом о действиях сборщика ясака.² Сведения, на которые обратилось внимание во время этих плаваний, не имеют резкого отличия от уже отмеченных ранее для путешественников XVII в. допетровского времени.³ Конечно, указываются расстояния между островами в днях пути на байдарках. Например: о проливе между островами Парамусир и Онекотан: «сей легкими байдарками наскор до полудня переезжают, а с грузом, с женами и с детьми день ходу в тихое время». Сравнительно подробные сведения сообщаются о проливах между небольшими и довольно отдаленными островами: Райкоке, Матуа, Расшуа, (Расёва), Ушишир.⁴

Затем существенное место занимают вопросы, связанные с пушниной и торговлей.

Так, о Шумшу (Сюмусю) говорилось: «...а на том их

¹ А. И. Андреев. «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в первой половине XVII века». — М., 1948, стр. 13. Эти сообщения, по указанию А. И. Андреева, хранятся в ЦГАДА, портфели Г. Ф. Миллера, № 533, тетр. 2 и 8.

² Чертеж Камчатки, описание Курил и краткие данные о Японии, сообщенные Козыревским Берингу в 1726 г., опубликованы С. Баскиным в статье «Большой Чертеж Камчадалской Земли». — Изв. Всес. геогр. об-ва, 1949, т. 81, вып. 2, стр. 227—238.

³ Приводимые сведения взяты: 1) непосредственно на отписок служилых людей (помещенных в «Памятниках Сибирской истории»), что специально оговаривается в ссылках, и 2) из работ: Г. Ф. Миллера. Описание морских путешествий...; А. Сгибнева. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке 1650—1742. — Морской сборник, 1869, т. 101, № 4; его же. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетий. — Морской сборник, 1869, т. 100, № 1; Л. С. Берга. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946; С. Баскина. Большой Чертеж Камчадалской Земли (см. выше).

⁴ «Меж сими островами перелевы не широки. Скорым путем в легких байдарках ходят иноземцы скорее полдня, а с грузом в пол день и позже, а инно и ранее. Но токмо трудно мелкими судами — быстрина в пролевах великая на уполый и прибылой воде и сулон великие бывають. А по скаскам же иноземческие многие в сулоях и тонут. И когда бывает вестер, то относит в море и погибають. Того ради приходят взад и вперед весною рано в тихое время, а летом поздни некоторым деле мелкими их иноземческими байдарками нельзя...». Как видим, дается также и характеристика условий плавания в проливах.

острову соболей и лисиц не живет и бобрового промыслу и привалу не бывает, и промышляют они нерпу». ¹ На Парамусире курилы сообщили: «...соболей и лисиц не промышляем, промышляем де мы бобровым промыслом в генваре месяце, а которые де у нас были до вашего приходу бобры и те де бобры испроданы иной земли иноземцам, которую же землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне и привозят де к нам железо и иные товары, кропивные тканые пестрые». ² Интересно, что Козыревский и Анциферов называли жителей Парамусира «иноземцы Езовитяне», т. е., по объяснению Г. Ф. Миллера, «курилы, по японскому называемые езо». ³ Это, между прочим, указывает на получение частичной информации о Курилах от пленных японцев.

На шестой остров — «Шококи» (повидимому, о. Райкоке) «приезжают Японцы за рудой и ведут торговлю с жителями островов, доставляя им железные и чугунные котлы, лаковую деревянную посуду, бумажные и шелковые материи, сабли и ножи». Не обойдена вниманием и одежда «иноземцев». Так, например, сказано, что на первом острове жители «...одежду на себе имеют из нерпичьих кож и от птичьего пера». ⁴

В донесениях отмечается также многолюдность жителей на некоторых островах, обилие лесов и зверей, наличие удобных гаваней. Например: «Остров Итуруп... На сем острову людей многое число. И язык и вера своя. И всякие звери и лесные медведи и другие. И всякой лес большой и реки. И на устьях у рек отстои. Морскими судами можно быть. А по показанным островам лесов болших и рек и добрых отстоев болшими судами нет до сего острову». Итуруп — предпоследний, очень крупный остров перед Хоккайдо. Козыревский правильно отметил его большую населенность, наличие природных богатств и удобных «отстоев», т. е. гаваней. Последний вопрос, конечно, также очень интересовал первых русских исследователей Курил.

Желая, видимо, придать бóльшую цену своим открытиям и оттенить трудности, челобитчики, подавшие во главе с Анциферовым и Козыревским прошение о помиловании, подчеркивают, что на острове Шумшу (Сюмусю) «...к бою ратному курильские мужики досужи и из всех иноземцев

¹ П. С. И., т. I, № 109, стр. 462—463.

² Там же.

³ Л. С. Берг (Открытие Камчатки..., стр. 139—140) указывает, что Иезо или Эзо «есть старое название острова Хоккайдо. Первоначально термином «Эзо» японцы обозначали всех «северных дикарей или варваров, не подчинявшихся власти японского императора. Поэтому старые писатели прилагали это наименование ко всем северным местам».

⁴ П. С. И., т. I, № 109.

бойчивее которые живут от Анандырского по Камчатскому носу»,¹ т. е. курильцы являются самым храбрым народом из числа иноземцев всего Дальнего Востока. В данном случае это показание, как замечает Л. С. Берг, вряд ли соответствует истине: курильцев изображают как народ покорный, робкий и вялый. Это единодушный отзыв Крашенинникова, Тихменева, Полонского и Сноу.²

Особого внимания заслуживают те строки все той же челобитной, которые говорят о ясаке: «...и они иноземцы нам рабом твоим сказали, что де мы, здесь живучи, ясаку платить никому не знаем, и прежде де сего с нас ясаку никто не бировал». ³ Это определенно указывает на то, что, несмотря на близость к Японии и поддержание с ней торговых отношений, Курильские острова ни в какой мере не находились в начале XVIII в. в зависимости от этого государства. Впервые обложил ясаком жителей острова Сюмусю Козыревский.

Итак, к 1713—1714 гг. русские уже, бесспорно, посетили 2—3 северных острова Курильской гряды, знали о других Курильских островах и даже имели краткое описание их, подкрепленное чертежами. Г. Ф. Миллер и А. Сгибнев указывают на перечисление Козыревским и Анциферовым 15 островов и ссылку еще на несколько небольших, находящихся «в разных направлениях от них». С. Баскин приводит сообщения Козыревского по крайней мере о 21 острове.⁴ Как видим, приводимые данные почти совпадают.

ОРГАНИЗАЦИЯ МОРСКОГО СООБЩЕНИЯ С КАМЧАТКОЙ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРИЛ

Трудности сухопутных сношений с Камчаткой вызывали многократные попытки установить с нею морское сообщение. В инструкции от 17 марта 1710 г., посланной сибирским губернатором В. И. Гагариным якутскому воеводе Траурнихту, между прочим, говорилось: «С Ламы проведывать чрез море путь на Камчатку». ⁵ Под Ламой подразумевалось Охотское море.

Напомним, что в уже рассмотренной выше обширной инструкции, данной Траурнихтом в сентябре 1710 г. Савостьянову, посланному на Камчатку, также приказывалось искать

¹ Там же, т. I, № 109.

² Л. С. Берг. Открытие Камчатки..., стр. 139.

³ П. С. И., т. I, № 109, стр. 462.

⁴ См. выше примечание 3 на стр. 55 об использованных источниках.

⁵ П. С. И., т. II, № 121, стр. 522.

морскую дорогу между Камчаткой и материком. Он же, как говорит Г. Ф. Миллер, в 1711 г. «...приказал боярскому сыну Петру Гурову, бывшему тогда прикасчиком в Охотске, чтоб морем ехать на Камчатку». Но попытка не удалась. «В оное время в Охотске не было еще морских судов».¹

Наконец, по указу Петра I сибирский губернатор Гагарин распоряжением от 12 февраля 1713 г. предложил воеводе Ельчину «о сыскании морского ходу до Камчатки без упоминания о судах».² Практически из этого ничего не получилось.

Почти в то же время двое из участников убийства Меркурия Вагина, открывшего один из Ляховских островов (см. дальше), — Черепанов и Дементьев — просили о помиловании, обещая «тот морской путь с Ламы на Камчатку проводить».³ Их «били кнутом нещадно» и отправили в 1713 г. на Камчатку «те свои вины заслуживать без жалованья», с боярским сыном Иваном Сорокоумовым, посланным туда специально для данной цели вместе с 12 служилыми людьми.⁴

Однако все эти попытки не дали результатов.

Тогда в Охотск были направлены «несколько матрозов и корабельных плотников. Сии 23 мая 1714 г. приехали в Якутск под предводительством Кузьмы Соколова с 20 слишком казаками».⁵ Здесь они получили 3 июля 1714 г. строжайшую «Память» (инструкцию) с предписанием: «...итти из Якуцка в судах реками Леною, Алданом, Маею, Юдомою до Креста, а от Креста чрез волок до реки Урака и тою рекою Ураком до Охоцкого острогу и до Ламского моря, днем и ночами везде не мешкая ни малого времени, чтоб до Охоцкого острогу дойти нынешним летним путем».

Как видим, и до побережья Охотского моря добраться было очень нелегко. Далее указывалась цель командировки: «для проведения прямого ходу чрез Ламское ж море на Камчатской Нос и, построя суды к морскому ходу, также с Камчатки чрез Ламское тем же путем велено итти в Охоцкой острог».⁶

В духе аналогичных приказов того времени, «Память» гарантировала в случае возвращения в целостности и выполнения

¹ Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных. — Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758, стр. 316.

² Там же.

³ Розыскное дело об убийстве Вагина, февраль — август 1713 г., П. С. И., т. II, № 1, стр. 21.

⁴ П. С. И., т. I, № 12, стр. 37 и т. II, № 1, стр. 21.

⁵ Г. Ф. Миллер. Там же, стр. 317.

⁶ П. С. И., т. II, № 12, стр. 37—38.

поручения разные милости, а за «нерадение» — смертную казнь.¹

С таким напутствием Кузьма Соколов совместно с «плотником для строения морских судов» Яковом Невейциным и другими отправились в свой трудный путь, благополучно прибыли к месту назначения в Охотск и построили морское судно «наподобие русских лодий, на которых прежде сего из Архангельского города ходили в Мезень, в Пустозерский острог и на Новую Землю. В сем деле препроводили они 1715 год. Судно было удобное и крепкое длиною 8½ сажень, а шириною в 3 сажени. Оно с грузом в воде шло на 3½ фута.² На нем в июне 1716 г. впервые отправились на Камчатку морем. «Ехали по морскому берегу к с.-в. до р. Олы, оттуда хотели они еще и далее продолжать также курс, но противной ветер отнес судно чрез море на Камчатку, и, видя мыс при устье р. Тигиля по северную сторону, из-за крутости берега не пристали. Между тем поднялся опять противной ветер, которым судно к Охотскому берегу назад отогнало».³

Таким образом, в первый раз посланные лица хотя и доплыли до полуострова, но не смогли высадиться. Предпринятая вскоре вторичная поездка увенчалась полным успехом. Мореходы достигли р. Тигиля и принялись за обследование побережья. Были у р. Хариюзовки (между реками Тигиль и Ича), у р. Ичи и в некоторых других местах. Во время пребывания на Камчатке видели выброшенного на берег кита с острой, на которой были обозначены латинские буквы. В мае 1717 г. Соколов с товарищами отправились с полуострова «паки в море». С трудом приехали к Охотскому побережью между р. Олоей и Тауйским острогом и в половине июля достигли Охотска.⁴

После этого, хотя и с большими трудностями, начала устанавливаться морская связь с Камчаткой. В 1718 г. туда прибыли морем посланные Ельчиным от «Большого Камчатского

¹ По этому поводу в «Памяти» говорилось следующее: «зело по его великого государя милостивому обещанию пожалованы все будете великого его царского величества милостью»; если же «в той посылке и кончину животу своему примете... оставшиеся жены и дети не будут оставлены. А буде вы в том пути учнете нерадение и мешкоту чинить... или не быв на Камчатке и не взяв на Камчатке от государевых людей ведения, возвратитесь и за то вам, по Указу великого государя, быть в смертной казни без всякого милосердия и пощады» (П. С. И., т. II, № 12, стр. 38—39).

² Г. Ф. Миллер. Там же, стр. 318.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 320. А. Сгибнев (Исторический очерк... — Морской сборник, 1869, т. 100, № 4, стр. 97), говоря о достижении в 1716 г. Камчатки, называет Соколова казаком, а в качестве морехода указывает на некоего Треску.

наряды»¹ Кочанов, Уваровский и Поротов. В 1719 г. с Камчатки в Охотск послали судно; в августе 1719 г. из Охотска в Большерецк (на Камчатке) прибыл Харитонов, привезший с собой артиллерию, и т. д.

В 1719 г. в Охотское море были отправлены со специальной целью геодезисты Иван Евреинов и Федор Лужин.² Летом 1720 г. Евреинов и Лужин прибыли в Охотск, где застали «лодию», на которой в 1716 г. мореход Треска совершил первое морское путешествие из Охотска в Камчатку.³

Длина лодии равнялась $8\frac{1}{2}$ сажням, ширина — 3 сажням. С полным грузом она имела осадку $3\frac{1}{2}$ фута. В сентябре 1720 г. геодезисты выехали на Камчатку из Охотска в «лодии» под управлением морехода Мошкова и через 10 дней высадились у р. Ичи. В мае 1721 г. они на том же судне отплыли из устья Большой реки на Курилы и достигли шестого острова. В конце июня путешественники благополучно возвратились в Большерецк.

Вернувшись в 1722 г. обратно в Европейскую Россию, Евреинов представил Петру I, которого он застал в Казани, отчет о поездке и карту Сибири, Камчатки и Курильских островов, которую, видимо, и использовал в 1724 г. Иван Кирилов (см. карту в разделе о картографии). Отчет Евреинова считался пропавшим и был обнаружен недавно.⁴ А. В. Ефимов подчеркивает грандиозность работ, выполненных геодезистами: «...они произвели астрономическое определение ординат большого числа пунктов Сибири, нанесли их на карту в соответствии с вычисленными ординатами и продолжали эту работу на Курильских островах. Был выполнен труд большого научного и политического значения».⁵

Таким образом, к концу царствования Петра I русские не только начали осваивать Камчатку, но и завязали некоторые отношения с жителями ближайших Курильских островов, уже фигурировавших на некоторых картах тех лет.

¹ См. раздел «Шантарские острова».

² Подробнее о цели этой экспедиции будет сказано ниже.

³ А. Сгибнев. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII — начале XIX столетий. — Морской сборник, 1869, т. 100, № 1, стр. 41.

⁴ А. И. Андреев (Сб. документов «Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII века». М., 1948, стр. 10) сообщает об обнаружении в 1945 г. сотрудником Центр. Гос. архива древних актов Шумиловым отчета и карты Евреинова. Карта эта опубликована в вышеуказанном сборнике.

⁵ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций..., стр. 140.

ШАНТАРСКИЕ ОСТРОВА

Помимо путешествий на Курилы, большое значение имело проведенное в те же примерно годы исследование Шантарских островов, лежащих сравнительно недалеко от устья р. Уда. Об островах этих, по словам Г. Ф. Миллера, русские были осведомлены давно.¹ Самое название их по-гиляцки значит просто остров, потому что гиляки «особливых имен им не знали». Русские же этому общему понятию придали значение собственного имени. Трудно установить, посещали ли их русские раньше сами или только слышали о них.

Обычно считают, что до 1709 г. о них не имелось или, по крайней мере, не сохранилось никаких письменных известий. Это, однако, неверно. Идес в описании своего путешествия в Китай в 1692 г., изданном впервые в 1704 г. в Амстердаме,² сообщает очень интересные сведения, безусловно относящиеся к Шантарским островам. Указывая, что несколько севернее Амура текут две реки, впадающие в «Восточный океан», — Тугур и Уда, он пишет: «...на всякой год к берегам реченных двух рек приезжает некоторой народ из островов восточного Окиана, которые острова из устья оных рек видны. Упомянутые островские жители одеты платьем, подбитым дорогою мяхкою рухлядью... Оные среднего росту, имеют большие бороды и собою хороши, приезжают в небольших судах и девок у сибирских татар покупают и выменивают на соболи и на черные лисицы, которых, по их словам, у них множество находится».³ Если Идес проездом через Дальний Восток мог получить еще в 1692 г. такие сведения, то, бесспорно, у местной русской администрации имелись о Шантарах и другие данные, добытые ею не позже 80-х годов XVII в.

Но наиболее ранним официальным документом из обнаруженных до настоящего времени, содержащим распоряжение о производстве соответствующих поисков, надо считать приказ якутского воеводы Траурнихта, данный в августе 1709 г. Ивану Сорокоумову, приказчику Удского острога, расположенного у Охотского побережья, о проведении островов, лежащих недалеко от устья р. Уды.⁴

¹ Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий..., стр. 312.

² Подробнее о посольстве Идеса будет сказано в разделе о путешествиях в Китай.

³ Древняя Российская Вивлиофика, изд. Николаем Новиковым, ч. IX. Изд. 2-е. М., 1789, стр. 447.

⁴ «...от усть реки Уди в море которой значится остров проведать: какие люди на том острове и какой веры и под чьим владением или собою живут и какой в том острове зверь и иное какое богатство у них

Вопросом этим продолжали живо интересоваться, так как в инструкции тому же воеводе Траурнихту, данной сибирским губернатором В. И. Гагариным 17 марта 1710 г., в числе других поручений предписывалось: «...которой остров значится против удского устья в море проводывать всякими мерами, сколь он велик и какие люди и под чьим владением живут».¹

Сорокоумов, получивший от Траурнихта приказ, лично на острова не ездил, но 4 июня 1710 г. допросил Семена Анабара и других служилых людей, всего 16 человек, сообщивших, что эти острова видны в море от устья р. Уды, но сами они на них не были.

Таковы, повидимому, первые обнаруженные до настоящего времени официально зафиксированные известия о Шантарах, которые Иван Сорокоумов представил 10 июля 1710 г. в виде отчета в Якуцк.²

Наконец, в 1712 г. посланные приказчиком Василием Игнатьевым казаки Иван Быков и Алексей Крестьянинов «с товарищи в десяти человеках», построив две лодки, «поплыли по Уде реке к морю и шли по морю после материе земли до Тугиру реки 7 недель и за беспромыслицею рыбных кормов на Тугире реке остановились».³ Здесь к ним присоединились казак Семен Анабара со служилыми людьми. Помимо лодок, поделали шитики, но «...за бескормицею на той реке Тугире зазимовали ж. И в 713 году в мае месяце Семен Анабара с ним, Иваном, с товарищи шли с Тугиру подле землю в мыс недели четыре и с того мысу погребли на первой остров часа в три и, ночевав, на том острове ходили, людей и зверя никакого не видали, только видели черного медведя. И с того острова гребли на другой остров половина дни, людей никаких, oprичь медведей, не видали ж; ночевав, погребли на третий остров. И на том де острове нашли они, Иван с товарищи, иноземскую женку, языку ее и она их Иванова с товарищи не знала. И та де женка, живучи у них недели с четыре, бежала безвестно».

есть и по прямому свидетельству, буде возможно, какими судами самому с служилыми людьми съездить и сметить, сколь далече от устья Уды реки тот остров, и взять о том прямую достоверную ведомость и о том всем учинить чертеж» (П. С. И., т. II, прибавл. к т. I, № 118, п. 1, стр. 494).

¹ П. С. И., т. II, № 121.

² Там же, № 118, п. 2.

³ «Показания казаков о проведенных ими морских островах 29 октября 1714 г. в Якутской приказной палате перед воеводою Яковом Агеичем Елчиным и дьяком Татариновым» (П. С. И., т. II, № 15). Эти показания и приведены в дальнейшем тексте.

Часть служилых людей была послана на р. Тугур для рыбного промысла и не вернулась обратно.¹

По показанию Ивана Быкова, «...жили де они на том острове июня с 29 числа 713 году в пяти человеках год..., а товарищи де их два человека Яковлев и Емелкин на том острове померли».

29 июня 1714 г. оставшиеся в живых отправились с этого острова в одном шитике обратно, не заезжая на другие острова, «и выгребли к матерой Уцкой земле, бежали по морю парусом и на гребнях к Уде всего дней с 10 и пришли в Укуцкой». Живя на одном из Шантарских островов, казаки «вдоль по тому острову за бескормицею больши одного дни от становья своего не хаживали, и много ль его в длину и поперег, не ведают... А на том де острову соболи, и лисицы, и волки, и медведи, и лес листовик, и ельник, и березник, и осинник есть». Занимались они охотой на соболя кулемами.

Трудно установить точно, к какому первому острову пристали казаки. Судя по словам донесения: «Шли с Тугиру подле земли в мыс недели четыре и с того мысу погребли на первой остров часа в три», это был, скорее всего, о. Беличий; второй — Малый Шантар и третий — Большой Шантар. Так закончилось первое достоверное посещение Шантарских островов русскими, представившими о них краткие письменные сведения.

Последнее известие о Шантарах до назначения туда Ельчиным экспедиции было доставлено в Якутск сборщиком Карповым, плававшим в 1717 г. с 11 людьми на двух шестисаженных каюках на первый остров и проводшим там зиму.²

Чтобы не возвращаться более к экспедиции Большого Камчатского наряда, остановимся на ней здесь несколько подробнее. Ранее уже указывалось, что в конце 1716 г. Ельчин приступил к ее организации. Большой наряд был задуман в очень широких размерах. В него входили, помимо начальника, пленный шведский флотский поручик Молик, капитан Абыштов, 2 сотника, 2 пятидесятника, несколько человек дворян и боярских сыновей, 2 чертежника, 200 служилых людей. При этом в Енисейске и других местах разрешалось взять еще пополнение в 200 человек команды с офицером, а в Якутске — плотников, «мореходцев» и т. п. Жалованье и подъемные выдали вперед на три года.³

¹ В показаниях река называется Тугур и Туگیر. Правильное название Тугур.

² А. Сгибнев. Большой Камчатский наряд. Экспедиция Ельчина. — Морской сборник, 1868, т. 99, № 12.

³ Все сведения об этой экспедиции, приводимые здесь и ниже, взяты из вышеуказанной статьи А. Сгибнева.

Ельчин послал в мае 1717 г. Молика в Охотск для постройки 4 судов. Последний отправился затем в Нижнеколымск. В начале 1718 г. «наряд» был совершенно устроен. Были также собраны от местных жителей необходимые сведения о реках, впадающих в Охотское море. Однако в дальнейшем начались различные затруднения. Ельчин, вызванный в Петербург для объяснений, оставил своим заместителем капитана Абыштова, который и продолжал дальнейшую работу.

Естественно, что транспортировка большого количества грузов требовала огромных усилий. Из Якутска их послали водою по Лене до устья Алдана. Отсюда грузы шли по Алдану — Мае — Юдоме до Усть-Майской пристани, где необходимо было перегрузить тяжести на малые суда. Сам же Абыштов лишь весной 1719 г. отправился в Охотск волоком до р. Урак по почти непроходимой местности. Там построили суда, поднимавшие до 200 пудов груза, на которых и сплыли до устья реки, а затем бечевником по морскому побережью в Охотск.

Между тем Сибирский приказ из-за трудностей всего дела распорядился прекратить экспедицию. Абыштов в том же 1719 г. умер в Охотске. Служилые люди разбрелись. Одни только дворяне и боярские дети, назначенные на Камчатку, успели в 1718—1719 гг. туда поехать.

Только в Удском крае, куда была направлена часть экспедиции, удалось осмотреть Шантарские острова.

Ельчин командировал в Удский острог боярских сыновей Харитонова и Филькеева. Последнему предписывалось «...отправиться к берегу Восточного моря, для узнавания, который остров на этом море есть Шантар и другие от него малые острова к северной стороне». Наряду с обычными пунктами, требующими собрать сведения о реках, озерах, лесах, зверях, плодоносных деревьях, пашнях и покосах, а также о том, есть ли на Шантарах население, интересно отметить один, предписывающий «...смотреть тебе накрепко, чтобы на тех островах людям, буде они китайского государства, обид не делать, чтоб ссоры между государствами не учинить».¹ Правительство Петра I, как известно, было сильно озабочено урегулированием отношений с китайцами и остерегалось чем-либо обострить их. В январе 1721 г. в Якутск явились посланцы от Харитонова с донесением о результатах состоявшейся поездки.

Филькеев с кормщиком Татариновым и 17 казаками, построив в Удском остроге «морское судно лодию» в 9 сажен

¹ А. Сгибнев. Там же, стр. 137.

11 вершков длиной и 3 сажени 1 аршин 3 вершка шириной, отправился в 1719 г. под парусом в путь к первому Шантарскому острову (повидимому, о. Феклистова). Однако достигнуть его не удалось, и после семидневных скитаний «мореходцев» выбросило в Тугурский залив. Отсюда Филькеев вернулся обратно, а Татаринов и казаки переплыли на о. Большой Шантар, провели на нем всю зиму, наловили соболей, вызвали по неосторожности пожар, истребивший леса и зверей, и в июле 1720 г., выйдя в море, достигли побережья и «вошли в губу между Тугуром и Амуром».¹

Здесь к ним явилось до 40 местных «иноземцев», заплативших ясак. «Платье житей, как у китайцев, у многих в ноздрях и ушах серебряные кольца, живут по рекам в юртах. Зимние юрты рубленые ниски, а летние, как якутов, из стоячего лесу, просторнее». Внутри юрт — полки и печи, для варки — чугунные чаши. Жители не пускали русских в жилые юрты, но в зимние вход не возбраняли, «а потому детей не видали, скота незаметно, хлеба и овощей нет, а в пищу употребляют рыбу и сарану».²

Как видим, дано краткое, но четкое описание жилищ и образа жизни встреченных прибрежных племен. Однако встреча эта не кончилась добром. Казаки ввели судно в реку, и на другой день Харитонов с 10 товарищами ушли вверх по ней за рыбой. Вскоре мимо стоянки проплыл его труп, а за ним другой. Опасаясь дальнейшего нападения, казаки снялись с якоря и вблизи берега ожидали своих ушедших товарищей. Никого не дождавшись, они принуждены были уплыть в море, где судно и блуждало без кормчего, пока не подошло близко к двум большим (Шантарским) островам, около которых на расстоянии полдня пути видели еще несколько малых островов.

После этого целых две недели истощенных путешественников носило по волнам, пока, наконец, совершенно обесиленные они не достигли устья р. Уды.

Так закончилась та часть работы Большого Камчатского наряда, которая была направлена на исследование Шантарских островов.

Как видим, результаты его гораздо скромнее первоначальных масштабов предприятия. Но опыт, полученный при его организации, бесспорно должен был помочь знаменитой первой Камчатской экспедиции, задуманной Петром I, но осуществленной уже после его смерти.

¹ Повидимому, это был Ульбанский залив или залив Николая

² А. Сгибнев. Там же.

Слухи о наличии каких-то крупных островов или «земель» в азиатской части Северного Ледовитого океана доходили до сибирской администрации еще в середине XVII в.

Наказная память от 31 июля 1642 г. служилым людям, посылаемым на р. Оленек, предлагала, между прочим: «..про Набару реку и про морской остров с заморным зубом спрашивать подлинно, сколь далече Набара река, и какие в ней люди, и далече ли от Набары реки остров с Заморным зубом, и какой к нему ход». ¹ Северо-западнее устья Анабары, против мыса Пакса, действительно, находится о. Бегичева (134 км²). Трудно, однако, сказать, о каком именно острове в данном случае шла речь. На побережьях моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря были широко распространены залежи мамонтовых костей. «Мореходцы» XVII в., бесспорно, много слышали и о них и об островах с «заморным зубом».

Михаил Стадухин, известный соперник Семена Дежнева по путешествиям на крайнем северо-востоке Сибири, по возвращении с Колымы в 1647 г. передавал со слов жившей у него «погромной Колымской жонки» о находящемся по левую руку от Колымы острове, на который чукчи в зимнее время перебираются на оленях в течение одного дня. ² Вероятно, это были Медвежьи острова, расположенные западнее Колымы в Восточно-Сибирском море. Но Стадухин ошибочно полагал, что, «идучи из Лены от Святого Носу, а к Яне де реке и от Яны к Собачье, а Индигирка тож, и от Индигирке к Колыме реке едучи, и гораздо тот остров ввиду и горы снежные, и пади, и ручьи знатны все». Таким образом, он создал в своем воображении единый огромный остров, тянувшийся от Ляховских до Медвежьих островов.

От этих неверных представлений в петровское время еще не вполне освободились. Правительство и сибирское начальство весьма интересовалось таинственными северными островами.

В цитированном ранее расспросе, проведенном 20 февраля 1710 г. Траурнихтом в Якутске, служилые люди показывали про остров, «которой значится против Камчатского и Ковымского и Ленского устья и про иные ведомости» (т. е. известия.— Д. Л.). ³ Как видим, здесь снова возникает вопрос о

¹ Дополнения к актам историческим (Д. А. И.), т. II, стр. 264. Набара — р. Анабара. Заморный зуб — в данном случае мамонтовая кость.

² Д. А. И., т. III, стр. 99—100. «Погромная жонка» — захваченная после боя.

³ П. С. И., т. II, № 118, п. 6, а также Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий..., стр. 99—100.

громадной единой земле, расположенной в Ледовитом океане и тянущейся от Камчатки до Лены!

Михайло Наседкин, о показаниях которого говорилось в связи со сведениями об о. Беринга и Курильских островах, возвратившись в первых годах XVIII в. вместе с приказчиком Многогрешным с Камчатки, откуда он направился сначала посуху через Чукотку к побережью Ледовитого океана, а затем водою, сообщил: «...от Ковымского де устья до Индигирки остров в море видеть, ...а кочевщик де Семен Монастырский сказывал ему, Михайлу, что тот остров и земля одна, что с Камчатки от Пенжинского моря и против Ковымского и Ленского устья живут ли, того, де он, Семен, им не сказывал и ни от кого про людей на том острове не слышал». ¹ Показания отдельных лиц об этой земле были, однако, противоречивы. Так, Малгин утверждал, что «против де Ленского устья, он, Никифор, того острова не видал и ни от кого про тот остров не слышал». Но в том же документе имеются показания об отдельных реально существующих островах Ледовитого океана.

Тот же Н. Малгин «в бытность де Якутского воеводы князь Ивана Петровича Борятинского, который имел команду в Якутске с 1661 по 1678 год», с неким торговым человеком «ходил до Ленского устья, а с него был отнесен в море до Святого Носу и видел с товарищи остров» (Г. Ф. Миллер).

Кочевщик Родион Михайлов указывал Н. Малгину, что «не дошед Ковымского устья в море значится остров и он де, Никифор, с товарищи тот остров видели».

Торговый человек Яков Вятка подтвердил Никифору Малгину, что однажды он с товарищами «бежали от Ленского устья по морю» в 9 кочах. Три из них отнесло к вышеописанному острову, и «с тех де кочей в корбасах на тот остров для проводывания люди выезжали и видели по край острова следы, знать, что копыта, а какого скота и зверя тот след, того не ведают и людей никаких не видали». ² Мореходы, шедшие от Лены на восток, говорят об острове западнее Колымы, не вполне уточняя его местоположение. Вероятнее всего, что Малгин и Вятка имели в виду один из островов, лежащих против устья Яны, или Крестовский из группы Медвежьих. Остров, на который ссылается Наседкин, — один из Медвежьих. ³ Если признать, что Малгин видел остров

¹ Там же, т. II, № 118, стр. 503.

² Там же.

³ Такого же мнения придерживаются Ф. Врангель в своей работе «Путешествие по Северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг...», СПб., 1841, стр. 24, и Л. С. Берг (История географического ознакомления с Якутским краем.— В книге «Яку-

недалеко от Яны, то, вероятно, это был Большой Ляховский, лежащий прямо на север, примерно в 50 км от Святого Носа.

Показания служилых людей заинтересовали В. И. Гагарина, предложившего Траурнихту в инструкции от 17 марта 1710 г. произвести соответствующие поиски.¹

Последний приступил к выполнению возложенного на него поручения в том же году, что, в частности, видно из «Памяти» приказчику Колымского зимовья боярскому сыну Ивану Львову, выданной 20 августа 1710 г. и содержащей приказ «провеждать острова против Ковымского устья и против Камчатки землю».² Аналогичный приказ был послан и в Устьянское зимовье.³

Из последнего прислали «скаску» казаки Якова Пермякова о том, что «...бывал де он, Яков, с усть Лены реки морем до Ковымского устья меж Чондона и Хромовые реки, которой протянулся, в море камень, названнем Святой Нос, а от того де носу, как он шел кочем в море, значится остров, или земляца, и есть ли на нем люди, про то де он, Яков, подлинно не ведает. А против де Ковымского устья значится близко остров, и горы на нем видеть, а люди есть ли, про то не знает».⁴

Виденный Пермяковым остров у Святого Носа, вероятно, Большой Ляховский остров, а против Колымы — Крестовский (Медвежьих острова).

Сибирский губернатор М. П. Гагарин, узнав о новых землях, письмом от 28 января 1711 г. торопил Траурнихта продолжать дальнейшие розыски, требуя, в особенности, немедленной посылки людей на остров против Колымы.⁵

Вся приведенная на предыдущих страницах переписка достаточно подтверждает упорство, проявленное в поисках новых островов Ледовитого океана.

Траурнихт снарядил две экспедиции: казака Меркурия Вагина, который должен был выйти из Устьянска на поиски островов у Святого Носа, и Василия Стадухина — от Колымы.

Основные этапы трагически окончившейся экспедиции

тия». Изд. АН СССР. Л., 1927. Отд. оттиск, стр. 20), считающий, что остров, указываемый Наседкиным, очевидно, один из Медвежьих.

¹ В частности, в инструкции этой было сказано: «Которые острова в море значат против Ковымского устья и против Камчатской земли, и те острова проведывать с великим прилежным радением, какие на тех островах живут люди, и сколь те острова велики и много ль морем от материка расстояние... и о том к великому государю к Москве с нарочными посылыщками писать» (П. С. И., т. II, № 121, стр. 522).

² П. С. И., т. II, № 118, п. 7.

³ Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий..., стр. 105.

⁴ П. С. И., т. II, № 13.

⁵ Там же, т. II, № 126.

Вагина хорошо известны.¹ Вагин с «вожем» Пермяковым и другими казаками, всего 11 человек, осенью 1711 г. вышли из Якутска. В мае 1712 г. они направились из Устьянского зимовья по побережью на нартах и добрались до Святого Носа, откуда тем же способом пустились на север по морскому льду. Вскоре достигли «против Яны реки за переливу моря... остров пустой, жилых людей и лесу нет, а зверей видели на нем одних оленей. И с того острова видеть остров же не мал и на том острове лес значит» (П. С. И., показание казака Гаврилы Ферапонтова). По другим показаниям, на острове были также песцы и волки. Окружность его определялась в 9—12 дней ходу.

Первый остров, посещенный казаками, — Большой Ляховский, а виденный вдаль — Малый Ляховский. Вагин, не решившись ввиду наступающего потепления ехать на него, вернулся на материк к Святому Носу и прошел с товарищами в тундру к р. Хроме в поисках рыбы. Однако р. Хромы они не нашли, голодали, «ели собак и всякую гадину» и вернулись к морю, повидимому, к устью р. Крестовки между Святым Носом и Хромою, «где все лето прожили и питались рыбою и дикими гусями, утками и их яйцами». Здесь казаки, боясь вторичного путешествия, на котором настаивал Меркурий Вагин, по предварительному сговору убили его вместе с сыном и Пермяковым, в чем и сознались на допросе. Двое из преступников были казнены, а двое по их челобитной, как это уже отмечалось раньше, посланы с дворянином Сорокумовым для проведывания морского пути на Камчатку.

Путешествие, предпринятое Васильем Стадухиным в 1712 г. с Колымы, было неудачно, что видно из его отписки от 28 июля 1712 г.² Стадухин вышел в море на одном судне с 8 служилыми людьми и 14 «промышленными и коряцкими ребятами». В то время плавали уже не на кочах, а на шитиках.

Как сказано в отписке Василия Стадухина, «...мы, раби твой,... и не откупаючись³ на море ходили», но попали вместо севера на восток и приплыли «к носу от Шелагинской чюхочь с Анадырскую сторону подле Ковымскую матерую

¹ Основным источником служит «Розыскное дело об убийстве якутскими казаками прикащика Меркурия Вагина, его сына и двух его товарищей...», проведенное в феврале—августе 1713 г. (П. С. И., т. II, № 1, стр. 1—21).

Впервые в печати сведения об этом походе были опубликованы Г. Ф. Миллером в его неоднократно цитированной работе «Описание морских путешествий...», стр. 106—108.

² П. С. И., т. II, № 118, л. 8, стр. 505.

³ Т. е. безоговорочно, безотказно.

землю, а не остров»,¹ а возле носа — «лед непроходимой». Определение места, как видим, мало вразумительно. Возможно, что мореходцы видели мыс Баранова.²

В августе 1714 г. были сделаны еще две, не имевшие результатов, попытки поисков островов — под командой Алексея Маркова и Григория Кузякова.³ К каждому из них прикомандировали по матросу. Марков в своей отписке 4 апреля 1715 г. сообщил о неудаче предприятия: «...и ходил я из Устьянского зимовья с усть Яны реки марта с 15 числа на море прямо на север, до апреля 3 числа, на собаках нартами для проведывания морских островов в 9 человеках. И на том море земли никакой не нашли, а больше от земли в море итти невозможно, а расстоянием от земли в море в одну сторону семеры сутки легким бытом на собаках ехали,... а на море торосы великие, льды давные, стальные, холмы великие, и на те холмы ходили и в море смотрели, земли никакой не значит, и назад тех холмов насилу вышли, собаки оголодовали и с голоду пропадали, и отсталых собак теми собаками кормили. А с усть Хромой реки и от Святого Носу сего года попасть со всеми казаками невозможно, и не на чем, помереть на дороге голодной смертию».⁴ Так, в обычном спокойно эпическом тоне, кратко и ясно обрисованы тяжелые условия путешествия по льдам океана.⁵

О маршруте Кузякова, вышедшего из устья Колымы, не обнаружено письменных известий: «Но я осведомился чрез якутских жителей, — пишет Г. Ф. Миллер, — что он ездил подобным образом, как Марков, и равно, как и сей, ничего не проведаль».⁶

Дальнейших организованных поисков островов после этих бесплодных попыток до 1723 г., повидимому, не было.

«В 1723 г. Федот Амосов объявил об острове, простирающемся от Яны до устья Индигирки и даже далее».⁷ Таким

¹ П. С. И. Там же.

² Л. С. Берг. История географического ознакомления с Якутским краем. — В книге «Якутия». Изд. АН СССР. Л., 1927. Отд. оттиск, стр. 20.

³ Г. Ф. Миллер. Там же, стр. 111—112.

⁴ П. С. И., т. II, № 23.

⁵ Ф. П. Врангель (Путешествие по северным берегам Сибири..., стр. 27), обращая внимание на то, что Марков, идя семь суток в одну сторону прямо на север и пройдя примерно 340 верст, должен был увидеть какой-либо остров, считает справедливость его показания сомнительной. Но, бесспорно, общие тяжелые условия путешествия по торосистому льду на собаках описаны Марковым правильно.

⁶ Г. Ф. Миллер. Там же, стр. 112.

⁷ Там же, стр. 112. Помимо этой работы, анализ путешествия Амосова имеется в других сочинениях, в частности, в «Сибирском Вестнике» за 1821 г., данные которого незначительно расходятся с данными

образом, снова всплыл вопрос о какой-то крупной земле, лежащей против устьев сибирских рек, хотя размеры ее указаны уже гораздо скромнее, чем раньше. Амосов с партией казаков был отправлен на поиски на Колыму. Намерение его выйти в море в апреле или июле 1724 г. (данные о месяце расходятся) не осуществились. В то же время промышленник Иван Вилегин подтвердил, что в 1720 г. он вместе с промышленником Григорием Санкиным ездил туда с устья реки Чукочьей (западнее Колымы) и видел «старые юрты и признаки, где прежде юрты стояли... та земля с устья Чукочьей земли в ясный день будто видно». Это, бесспорно, один из Медвежьих островов. Определить, остров ли это или материковая земля,— Вилегин не смог, но, «...по его мнению, протянулась земля оная мимо реки Индигирки и Святого Носу до устья реки Яны, а с другой стороны простирается мимо Колымского устья до жилищ Шелагов, которые суть род чукчей. Сие ему сказал Шелагинский мужик Копай».¹

Сообщение Вилегина, следовательно, также указывает на существование какой-то мифической земли, протянувшейся в море примерно со 136 по 170° в. д. и захватывающей, во всяком случае, Ляховские острова с запада и Медвежьих с востока. Тот же Копай, живший, по словам Амосова, «...на морском берегу верст с 200 от Колымского устья...»² сказал, что против одного места лежит на море близко берега небольшой остров». В том же 1724 г. Амосов пошел на судне подле берега на восток к Копая, куда и прибыл 7 августа. Но состояние моря, замороженного льдами, исключало возможность плавания на север, так что ему пришлось возвратиться на Колыму. Однако 3 ноября 1724 г. Амосов снова отправился из Нижне-Колымского зимовья по побережью на восток, но уже на нартах. Между реками Чукочьей и Алазеей он перешел с «матерой» земли на морской лед и в течение одного дня достиг острова. Столько же времени Амосов потратил на его обход, обнаружив «каменные горы нарочитой высоты, следы диких оленей и старинные юрты, сделанные из приносного дерева и обсыпанные землею. Позади сего острова обретаются еще два, узкими морскими проливами отделенные, такие же гористые острова, только он на них не был и не знает сколь они велики».

Г. Ф. Миллера, затем у Ф. П. Врангеля (Путешествие по северным берегам Сибири...) и Л. С. Берга (История географического ознакомления с Якутским краем).

¹ Там же.

² Ф. П. Врангель (там же, стр. 31) полагает, что Копай жил около острова Собадей у Чаунской губы.

Таким образом, Амосов побывал на Крестовском острове из группы Медвежьих и видел два других, лежащих к востоку.

Г. Ф. Миллер не верил в правильность этих показаний, считая, что Амосов сообщил их для того, чтобы выслужиться. Но «справедливость сообщенных Амосовым сведений подтверждена посещениями Степана Андреева (1763—1764 гг.), Леонтьева, Лысова и Пушкарева (1764—1771 гг.) и Врангеля (1821 г.)».¹

Этим и кончились в петровское время поиски несуществующей огромной земли в Ледовитом океане. Но они, как мы видели, принесли новые и вполне реальные сведения об отдельных островах, действительно лежащих против устьев крупнейших сибирских рек.

Весьма интересно вспомнить по этому поводу мнение великого Ломоносова, высказанное им в его труде «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским Океаном в Восточную Индию» (сентября 20 дня 1763 г.).² М. В. Ломоносов пишет о том, что «...по мореплаванью ничего неизвестно, кроме некоторого чаемого острова против ленских и других устьев, в действии недовольно доказанного». Далее он приводит тщательно собранные им «Сибирские известия», группируя вместе данные, говорящие, по его мнению, положительно, а затем данные, говорящие отрицательно о наличии отдельных островов.

М. В. Ломоносов анализирует также и ландкарту Афанасия Шестакова и в конце концов приходит к мнению, что «...сии прекословные известия, сличив одно против другого, ясно видеть можно, что положительные много сильнее отрицательных» (324 стр.). Очень характерно для пытливого ума Ломоносова общее соображение о том, «что вообще не следует из незнания небытие вещей, и нельзя заключить чтобы того не было на свете, чего кто не видал или не нашол».³

В заключение этого краткого обзора морских путешествий служилых людей петровского времени на северо-востоке Сибири обратим внимание на техническое оснащение этих путешествий.

Как видно из всего изложенного, они мало чем отличались от путешествий, осуществленных в течение XVII в. Плаванья обычно совершались на шитиках, а частью и на кочах. Однако изучение архивных материалов, произве-

¹ Л. С. Берг. Там же, стр. 22.

² М. В. Ломоносов. Сочинения. Изд. АН СССР, т. VII. Под ред. Б. Н. Меншуткина. Л., 1934, стр. 322.

³ Там же, стр. 325.

денное в последние годы советскими исследователями, заставляет полностью отказаться от низкой оценки мореходных качеств этих судов допетровского времени, установившейся в дореволюционной русской и иностранной литературе после работ Г. Ф. Миллера и И. Фишера. Так, например, первый из них,¹ говоря о шитиках (которые он считает более совершенными судами, чем кочи), рисует их как небольшие плоскодонные палубные суда, длиной около 10 и шириною около 4 м. Конопатили их мхом. Паруса они имели ровдужные, т. е. сшитые из оленьих шкур, вместо канатов — лосиные ремни, якоря деревянные с привязанными к ним камнями. Поэтому, по мнению Г. Ф. Миллера, они, по существу, были речными судами, использовавшимися лишь для коротких плаваний у берегов моря: «а ходят ими обыкновенно по рекам и от реки до реки морем подле берегу».

В действительности же, как это подчеркивает М. И. Белов, северные и сибирские архивы XVII в. «рисуют коч большим палубным килевым морским судном, оснащение и устройство которого в известной степени отвечало условиям плавания в Арктике». Его длина достигала 19—20 м, ширина 4—5 м, осадка не превышала 1.5 м, а грузоподъемность доходила до 30—35 т. Мощное парусное холщевое оснащение позволяло такому судну при благоприятных условиях покрывать за сутки 200—250 км. Коч имел несколько железных якорей и палубных лодок, вмещал до 30—40 пассажиров, не считая груза, и благодаря незначительной осадке и постройке из сухой сосны или лиственницы был очень подвижен и свободно проходил вблизи берегов. Все эти качества делали кочи гораздо более приспособленными к плаваниям в условиях Арктики, чем западноевропейские парусники XVII—XVIII вв., от которых они, кстати сказать, не отличались существенно по своим размерам.²

Точно так же необходимо отказаться и от представления о том, что русские «мореходцы» XVII в. были незнакомы с употреблением компаса.

Отрядами Гидрографического управления Главсевморпути в 1940—1941 гг. на о. Фаддея и в заливе Симса (восточный берег Таймырского полуострова) обнаружены остатки русской морской экспедиции, плившей с запада и обогнувшей около 1617—1619 гг. Таймыр. В числе других предметов найдены совершенные мореходные приборы: солнечные часы и компасы.

¹ Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных.—Чтения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1753, стр. 110.

² М. И. Белов. Историческое плавание Семена Дежнева.—Изв. Всес. геогр. об-ва, 1949, т. 81, вып. 5, стр. 464—465.

Это говорит о том, что мореходы начала XVII в. знали основы штурманского дела своего времени.¹

То, что это не было единичным случаем, подтверждают и архивные документы, относящиеся к плаванию Федота Алексеева (Попова) и Семена Дежнева 1648 г. Участники этого похода взяли с собой «13 маток в кости», т. е. 13 компасов, заключенных в костяную оправу.² Имеются и другие свидетельства подобного рода.

Что касается многочисленных чертежей, составлявшихся в походах петровского периода служилыми людьми, не обученными специально, то они, конечно, были еще на картографическом уровне допетровского времени, не в пример топографическим работам в Европейской части или в некоторых внутренних районах Сибири, куда посылались специальные геодезисты.

Такую же оценку можно дать и характеру рассмотренных нами отписок и «скасок» о новых землях и островах. За исключением отчетов Атласова, занимающих, как это подчеркнуто ранее, совершенно особое место, они мало чем отличаются от допетровских. Так же, как и прежде, особое внимание уделяется маршрутным данным и трудностям путешествия, затем — элементарным сведениям о населении, его быте и хозяйственных занятиях. При этом главный интерес сосредоточен на торговле, пушном и рыбном промысле и сельском хозяйстве. Описания природы занимают весьма подчиненное положение и ограничиваются обычно довольно беглыми указаниями на горы, реки, леса, с перечислением основных пород деревьев, и на промысловых животных. Сведениями о полезных ископаемых весьма интересовались, но не разузнали ничего определенного.

Наконец, как и обычно, сообщали о способах «боя», оружии и боевых качествах «иноземцев».

В заключение этого раздела следует отметить, что, помимо открытий в узком смысле слова, произведенных на крайнем севере и востоке Сибири, в этих районах в течение указанного периода происходило дальнейшее собирание сведений, главным образом о населении и его промыслах на территориях, занятых уже объясченными или вновь приводимыми в ясак «иноземцами». В частности, это относится к Чукотскому

¹ Это исключительно важное для истории русской и мировой географической науки открытие подробно описано в книге А. П. Окладникова. «Русские полярные мореходы в XVII в. у берегов Таймыра» (М.—Л., 1948), содержащей в приложении ценную статью Б. О. Долгих. «Новые данные о плавании русских северным морским путем в XVII веке».

² М. И. Белов. Там же, стр. 465.

полуострову, где имелось несколько небольших административных центров — острогов.

Служилые люди разных рангов в своих отписках и устных ответах сообщали различные географо-этнографические данные. Характерным примером этого могут служить «расспросные речи» 14 марта 1710 г. сына боярского Игнатьева и казаков в «якуцкой приказной полате... про анандырских чухочь».¹

Игнатьев и казаки «с товарищи», посланные «в прошлых разных годах» для ясачного сбора в Анадырский острог, рассказав о том, что немирные «чухчи» побили служилых людей и юкагир, сообщили об этих «чухчах» многие сведения: «их, чухоч, в Анадырском носу многолюдство великое, а бой де у них лучной, питаются оленные оленьми, а пешие морскими китами и моржами и рыбою, а в промыслу де у них бывают лисицы красные и кость рыба, а соболя нет... А подле Анадырского и Олюторского моря по обоим сторонам живут чухчи пешие, а в промысли де у них бывают лисицы красные, а соболей и иного зверя, кроме оленя, нет, а кости рыбы зуба по морским губам множество». Как видим, — все тот же обычный круг сведений.

Об оленных и пеших чукчах Чукотского полуострова аналогичные сведения сообщил также П. Попов, бывший там в 1711 г. Результат его путешествия имеет еще и другое значение, к рассмотрению чего мы перейдем несколько далее.

ПУТЕШЕСТВИЕ МЕССЕРШМИДТА

В области исследований внутренних районов Сибири следует отметить экспедицию Мессершмидта, ставившую своей задачей разностороннее изучение населения и природы этой обширной страны.

Доктор Даниил Готлиб Мессершмидт, родившийся в 1685 г. в г. Данциге и знавший восточные языки, по окончании курса обучения медицине в Галле был приглашен Петром I в 1716 г. на русскую службу.²

По специальному договору, Мессершмидт должен был отправиться в экспедицию в Сибирь на 7 лет и, согласно полученной им инструкции, заниматься изучением этой страны,³ по следующим отраслям знания: 1) география страны;

¹ П. С. И., т. II, стр. 523—526.

² П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862.

³ П. Пекарский. Там же и К. М. Бэр. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний.— Зап. Русск. геогр. об-ва. СПб., 1849, кн. III, стр. 221. Оба эти ученые указывают

2) естественная история во всем ее объеме; 3) медицина, особенно эпидемические болезни и лекарственные растения; 4) описание сибирских народов и филологическое исследование их языков; 5) изучение памятников древности. Наконец, как это обычно говорилось и в других инструкциях, имелся и общий пункт, предлагавший описать вообще все достопримечательности.

Мессершмидт, работая в Сибири в течение 7 лет — с 1720 по 1727 г. (ему лишь некоторое время помогал пленный шведский офицер Табберт, получивший по возвращении в Швецию из русского плена фамилию Страленберга и более известный в литературе под этим именем), «исполнил все возложенное на него контрактом и при том с самой мелочной точностью».¹

Приехав в декабре 1720 г. в Тобольск, Мессершмидт посетил за период работы в Сибири и на Урале: Соликамск, Туринск, Тюмень, Тобольск, Барабинскую степь, Абаканский острог, Енисейск, Иркутск, Нижнюю Тунгуску и ряд других пунктов, охватил в своих разъездах район Даурии (Чита — Нерчинск — Аргунские копи — Далай-Нор — Читинск на Ингоде), проехал по р. Кеть до Нарыма на Оби и от Нарыма до р. Иртыша.²

Помимо ведения подробных дневников и записей, Мессершмидт собрал громадное количество естественно-исторических и этнографических коллекций, а также местных картографических материалов.³ К сожалению, большая часть коллекций погибла во время пожара в Академии Наук в 1747 г.

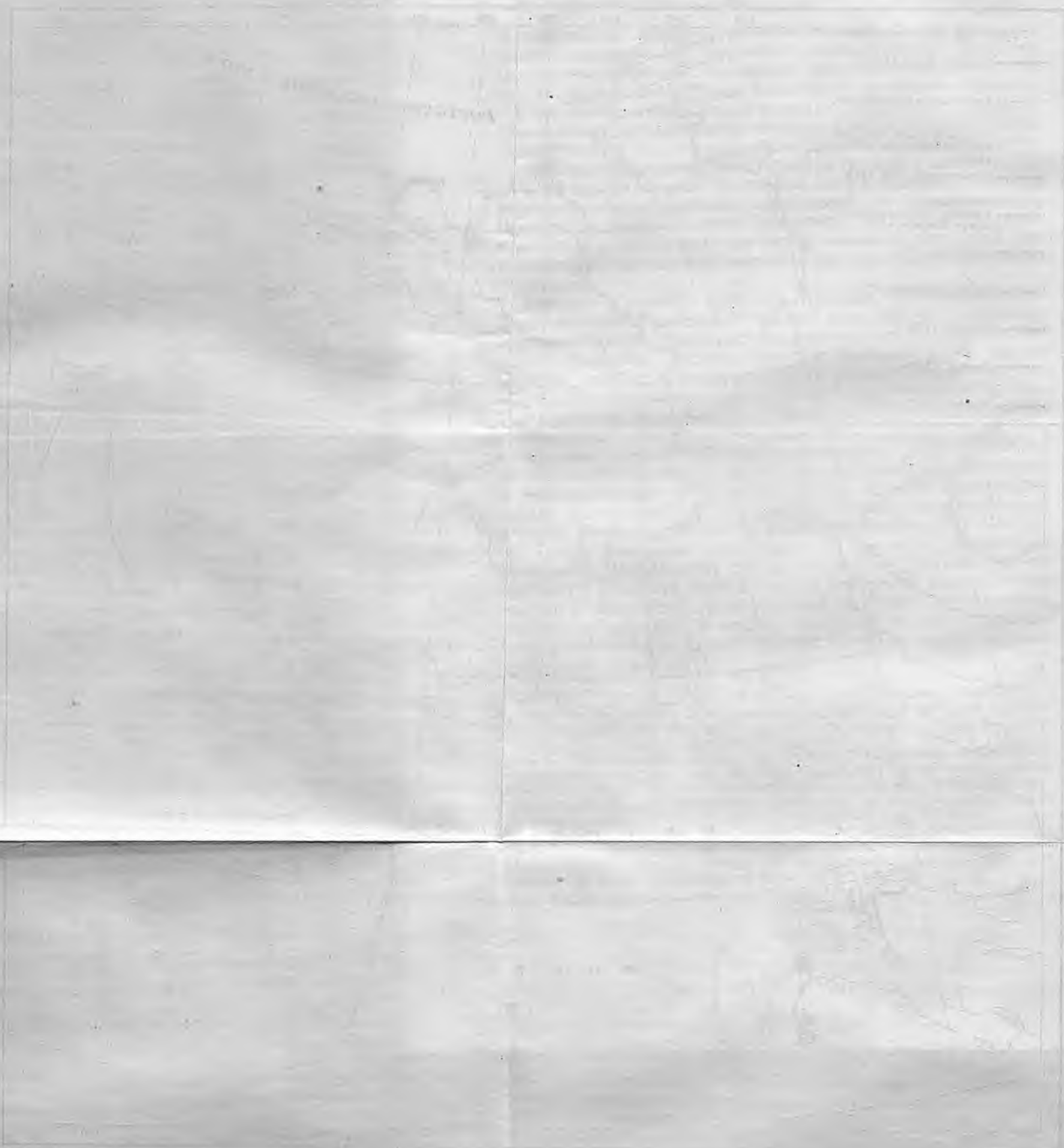
Следуя указаниям инструкции об изучении памятников древности, Мессершмидт собрал множество предметов, относящихся к древнему быту и религии сибирских племен. Точно так же в соответствии с инструкцией он производил сличения различных наречий. Он открыл некоторые полезные ископаемые, в частности, в районе Нижней Тунгуски: графит, каменный уголь, соль и др.

на то, что полученная Мессершмидтом инструкция требовала проведения наблюдений по ряду перечисленных отраслей. В. Ф. Гнучева (Материалы для истории экспедиций Академии Наук XVIII и XIX вв. М.—Л., 1940, стр. 25) считает, что он «был командирован Медицинской канцелярией в Сибирь для медико-ботанических исследований... далеко превзойдя рамки данных ему специальных заданий». Безусловно правильнее считать, что инструкция, данная ему, не ограничивалась только этой узкой целью.

¹ П. Пекарский. Там же.

² В. Ф. Гнучева. Там же, стр. 25. До настоящего времени труды Мессершмидта, если не считать опубликованных Палласом небольших извлечений из его дневников, не изданы.

³ К. М. Бэр. Там же.

В. П. Таранович, изучавший рукописи Мессершмидта, считает, что по количеству собранных научных материалов и по общему объему труды Мессершмидта, хранящиеся в Архиве Академии Наук СССР, мало чем уступают продукции позднейших ученых исследователей XVIII в.¹

Таким образом, еще до учреждения Академии Наук была организована подлинно научная экспедиция, принесшая обильные плоды.

Труды Мессершмидта использовались и за границей. Прежде всего это сделал путешествовавший с ним Страленберг, издавший в 1730 г. свою широко известную в те времена книгу «Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia», переведенную на другие иностранные языки и служившую на западе важным источником сведений о Сибири. А. И. Андреев, указывая на хранящийся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии Наук экземпляр русского перевода этой книги Страленберга, приводит доказательства того, что перевод этот был сделан по желанию В. Н. Татищева, наблюдавшего за его выполнением.²

¹ В. П. Таранович. Экспедиции Академии Наук XVIII века и их роль в деле развития лесных знаний.— Труды Ин-та истории науки и техники. АН СССР. Серия I. вып. 1. Л., 1933, стр. 178.

² А. И. Андреев. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири.— Советская этнография, 1936, № 6, стр. 94.

ПОИСКИ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ

История поисков северного морского пути в Китай и Индию насчитывает несколько столетий и многократно освещалась в русских дореволюционных и советских, а также и в зарубежных работах.

Мнение о возможности прохода из Европы северо-восточным путем, опирающееся если не на определенные сведения, то на некоторые географические соображения конкретного характера, впервые было высказано в 1525 г. русским послом в Риме Дмитрием Герасимовым. Его соображения были изложены в известной книге Павла Иовия Новокомского и произвели огромное впечатление на западе. При Иване IV в Московии возникали даже соответствующие проекты, обреченные, конечно, в условиях того времени на неудачу.

В русских документах XVII в., относящихся к периоду до Петра I, имеются сведения, касающиеся вопроса о существовании северо-восточного прохода между Азией и Америкой. Во второй половине этого столетия в Сибири существовало довольно твердое убеждение в его наличии, что нашло свое отражение в многочисленных отписках «мореходцев» и указаниях (хотя бы и неясных) на чертежах. Наконец, как известно, Федот Алексеев (Попов) и Семен Дежнев в 1648 г. прошли Беринговым проливом.¹

В. Ю. Визе, анализируя переведенное на русский язык известное сочинение Витсена о «Северной и Восточной Татарии», обнаружил в нем сведения о том, что около 1686 г., по инициативе Федора Алексеевича Головина, впоследствии адмирала, ближайшего соратника Петра I, из Енисея была отправлена экспедиция в составе 60 человек, получившая

¹ Подробнее вопрос об имевшихся в России XVII в. допетровского времени сведениях о северо-восточном проходе и плаваниях по Ледовитому океану рассмотрен в соответствующих разделах нашей работы. «География в России XVII века (допетровской эпохи)». М.—Л., 1949.

задание пройти морем в Лену и дальше до Тихого океана. «Эта первая русская экспедиция для отыскания северо-восточного прохода погибла в полном составе. Возглавлялась она, как подозревает Витсен, сыном боярским Толстоуховым». ¹ Но и ко времени единоличного царствования Петра I вопрос о соединении Азии с Америкой, как известно, не был еще окончательно выяснен.

Петр I, с его огромным влечением к мореплаванию, много лет интересовался этой проблемой, хотя и откладывал попытки ее разрешения из-за других практически более насущных дел своего царствования. Был он знаком и с историей вопроса, «ведаль», по словам Голикова, что голландцы еще в XVI в. «трудились найти проход Ледовитым морем в Восточный океан и в Восточную Индию». ²

Рассмотрим кратко, каковы были взгляды на северный морской путь в петровское время и что было предпринято в этой области до организации Камчатской экспедиции 1725 г.

В этом вопросе, прежде всего, надо различать две проблемы: открытие морского пролива между северо-востоком Азии и северо-западом Америки и установление морского пути в Китай и Индию по Ледовитому океану.

Конечно, без решения первой проблемы вторая, гораздо более широкая по своему объему, не могла быть осуществлена.

Советскими учеными доказана осведомленность русских относительно исторического плавания Федота Алексеева (Попова) и Семена Дежнева в 1648 г. проливом, разделяющим север Азии от Америки, задолго до нахождения в 1736 г. «скасак» Дежнева историком Г. Ф. Миллером. Сведения об этом походе были распространены в Сибири во второй половине XVII в. и нашли отражение как на картах XVII в., относящихся к северо-восточной Азии, так и в тексте некоторых «рописей» и «списков» с чертежей. ³ В петровское время были получены новые важные дополнительные данные. Например, Владимир Атласов дал в Сибирском приказе в Москве в феврале 1701 г. показание о том, что «меж Колымы и Анадыря реки необходимой нос, которой впал в море, и по левой стороне того носу на море летом бывают льды, а зимою то-

¹ В. Ю. Визе. Успехи русских в исследовании Арктики. Труды 2-го Всес. геогр. съезда, т. I. М., 1948, стр. 110.

² И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Изд. 2-е, т. VIII, М., 1839, стр. 128.

³ Подробно весь этот вопрос рассмотрен в книге Л. С. Берга. «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» (М.—Л., 1946). Касается его и А. И. Андреев (Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII века.— Изв. Всес. Геогр. об-ва, 1943, т. 75, вып. 3).

море стоит мерзло, а по другую сторону того носу весною льды бывают, а летом не бывают. А на том необходимом носу он, Володимер, не бывал. А тугошние инородцы чюкчи, которые живут около того носу и на устье Анадыря реки, сказывали, что против того необходимого носу есть остров, а с того острова зимою, как море замерзнет, приходят иноземцы...»¹ (разрядка моя.— Д. Л.).

Очень ценные сообщения о проливе и прилегающей к его восточным берегам Америке дал Петр Попов. Предложения Ф. С. Салтыкова, сделанные Петру I относительно северного пути, также не оставляют сомнения в том, что их автор был убежден в существовании этого пролива (см. ниже).

Надо полагать, что и сам Петр I, давно и живо интересовавшийся такими проблемами, знал о сведениях, имевшихся в России по этому вопросу, и должен был быть знаком с картами, выполненными в России и изображавшими свободный проход на северо-востоке Азии,— С. У. Ремезова, И. К. Кирилова (см. раздел о картографии). Однако специальных экспедиций для полного выяснения вопроса о проливе не было, и о существовании его высказывались различные мнения. Как уже указывалось, и при Петре I этот вопрос не был окончательно решен. Тем более не могла, по состоянию техники и по всей совокупности социальных условий того времени, быть решенной проблема освоения северного морского пути.

Задача эта оказалась не под силу как более поздним правительствам царской России, так и иностранным капиталистическим государствам. Честь ее разрешения принадлежит Советскому Союзу. Но в рамках нашей темы большой интерес представляют взгляды и проекты, имевшиеся в этой области в петровское время.

Прежде всего, надо отказать от представления о том, что идея о необходимости выяснить вопрос о существовании «Анианского» пролива, фигурировавшего уже на картах XVI в., внушена Петру I Лейбницем. У советских историков вообще нет даже полной уверенности в том, что подобные проекты Лейбница дошли до Петра I. «В бумагах Петра Великого письма Лейбница по данному вопросу до сих пор не обнаружены, хотя вероятно, что какой-либо из проектов Лейбница дошел до Петра, или что Лейбниц мог об этом говорить с Петром во время свидания с ним».²

¹ Н. Н. Оглоблин. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки.— Чтения в Об-ве истории древностей российских при Московском ун-те, 1891, кн. 3 (158), отд. I, стр. 12.

² А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане Первая половина XVIII века. М., 1948, стр. 209.

Кроме того, как это вполне правильно подчеркивал еще 100 лет назад К. М. Бэр, Петр I, несмотря на уважение к Лейбницу, далеко не всегда принимал его проекты. Так, например, он отклонил его предложение производить магнитные наблюдения в России, считая, что ими можно заняться лишь после выполнения других, более необходимых для страны исследований.¹

И в данном случае, если Петр I знал о советах Лейбница, он их, конечно, учел лишь в той степени, в которой они соответствовали его установившемуся на этот счет мнению.

Затем Петр I, посылая различные экспедиции, имел всегда в виду, кроме научных, и другие цели, связанные с поставленными им широкими задачами политико-экономического характера.

Он представлял себе значение северного морского пути вообще и для Русского государства в особенности.²

Не менее важно для истории русской географической мысли то обстоятельство, что идея прохода северным морским путем была во время Петра I обстоятельно разработана и доложена царю одним из знаменитых «прожектёров» — Ф. С. Салтыковым, сыном тобольского воеводы. Ф. С. Салтыков в 1711 г. был послан за границу, умер в Англии в 1715 г. и уж, конечно, не испытал влияния Лейбница. Письма Лейбница к царю, могущие содержать предложения по этому вопросу, не могли быть известны Ф. С. Салтыкову.

Свои соображения Салтыков изложил в «пропозициях», посланных Петру I в 1713—1714 гг. Наряду со всевозможными проектами преобразований в них имеются предложения:

¹ К. М. Бэр. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России.— Зап. Русск. геогр. об-ва, 1849, кн. III, стр. 219.

² Так, например, капитан Джон Перри, бывший с 1698 по 1715 г. на службе в России и часто беседовавший с Петром I, указывал в своей книге, написанной им в 1716 г.: «Я сам не раз слышал, как царь выражал намерение послать людей с целью снять верную карту страны, как только наступит мир и он будет иметь досуг заняться этими исследованиями, чтобы определить, есть ли возможность кораблям проходить мимо Новой Земли в Татарское море на восток от реки Оби, где было бы можно строить корабли для отправления к берегам Китая, Японии и прочее.

Если бы оказалось, что означенное море в некотором расстоянии на восток от Новой Земли действительно удобно для плавания судов, как то можно было предполагать, то в таком случае открылся бы путь для перевозки груза и товаров, частью сухим путем, частью водою, к тому порту, где царь решит устроить заведение для постройки кораблей. Европейские корабли совершали бы незатруднительные плавания и получали бы товары из Китая и Японии, не имея надобности переезжать через экватор». (Дж. Перри. Состояние России при нынешнем царе... Перевод с англ. О. М. Дондуковой-Корсаковой. М., 1871, стр. 40—41).

«О Сибири»¹ и «О взыскании свободного пути морского от Двины реки, даже до Омурского устья и до Китай».² Первые три пункта краткой главы о Сибири столь важны, что заслуживают быть приведенными полностью:

«Предложение 1. Велеть построить корабли на Енисейском устье и на иных реках, понеже оной реки устье позади Ледовитого моря и в Сибири от Енисейского устья до Китая все надлежит вашему владению оной морской берег.

Предложение 2. И теми кораблями, где возможно, кругом Сибирского берега велеть проведать, не возможно ли найти таких островов, которым мочно овладеть под ваше владение.

Предложение 3. А ежели таких островов не сыщется, мочно на таких кораблях там купечествовать в Китай и в другие острова, такожде в Европу можно отпускать оттуды леса, машты и доски, смолу и тар, понеже там изобилство великое лесов, а здесь в Европе зело в тех великая нужда и дороговизна, и в том будет в государстве прибыль великая, а лесов там в Сибири великое множество».

Так ясно представлял себе бывший «спальник» царя, какое огромное значение имеет вовлечение северных районов России в хозяйственную жизнь страны путем организации морских сообщений.

Глава «О взыскании свободного пути морского» имеет 9 предложений, содержащих последовательную, насыщенную конкретным географическим содержанием, очень глубокую для своего времени программу исследований.

Ф. С. Салтыков начинает с организационных моментов, связанных с освоением морского пути.³ Он предлагает сперва построить не очень большие морские суда, вроде буеров, по два или по три судна у Архангельска — на Двине, в Сибири — на Оби, на Лене, в Якутском остроге, за Якутским острогом около Святого Носа, отыскать удобное место на реках, близких к устью Амура, «также и на Амурском устье, буде она в вашем державстве... Понеже той реки устье лежит против Епонского острова». (В данном случае Ф. С. Салтыков ошибался, так как устье Амура находится против Сахалина, а не Японии). Как видим, это целая про-

¹ Пропозиции Федора Салтыкова, рукопись из собрания П. Н. Тиханова. СПб., 1891, гл. X.

² Н. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897. (Изъявления прибыточные государству Федора Салтыкова 1714 г., гл. XXV, стр. 32—34).

³ Изложение этой части «Пропозиций» дано в сжатом виде, но возможно ближе к подлинному тексту и с полным сохранением его последовательности.

думанная система организации баз. Далее Ф. С. Салтыков предлагает после постройки на указанных устьях кораблей отправить на них несколько «морских людей из иноземцев и из русских и велеть им описывать по тому берегу от ходу морского» последовательно от устьев рек, начиная с Северной Двины «и до последнего речного устья, которое обьщется удобное близ Амуры реки и по устье Амурское и вдоль между Епоном и Китаем».

Описание должно быть подробным. Ф. С. Салтыков намечает (предложение третье), начиная прежде всего с гидрографии, целую детальную программу обследования.¹

Не менее интересно и следующее (четвертое) предложение, подчеркивающее хотя и в несколько наивной форме всю важность для России северного морского пути.²

Пятое и шестое предложения относятся к постройке крепостей «...на проливах Вайгате (у Вайгача.— Д. Л.) и матерой земле для взимания пошлин, как это делается в Зоунде на Ост Зее» (в проливе Зунд.— Д. Л.). Такие крепости должны быть построены и в некоторых других местах Сибири. И «...мочно тогда из вашего государства послать для купечества Ост-Индийского корабли, в чем будет прибыль и богатство государству великое и из вашего государства ближе будет купечествовать туды, нежели из прочих государств».

¹ Предложение 3-е главы «О взыскании свободного пути морского». «И когда те суда управятся и пойдут на море, велеть тем плавателем описывать по берегам и на море устья рек, как они найдут, и в тех реках глубину и течение воды, какого образа земля на дне, и какой ширине и длине и на которой румб какое ни есть знатное место, дерево, гора, строение или сим подобное лежит, и расстояние их, и какая там клима; и в которой мочно быть пристаням и в которых не мочно быть, и какие около тех мест леса, такожде по берегам, потому же смотреть и описывать заливов морских пенинзулей или отлогов морских, банков песчаных, каяков или ротов (?) и в которых местах какие есть якорные земли, в которых широтах и на море потому ж острова, какой они ширины и длины и какие на них сыщутся люди и что будет богатство и какие где леса, звери и люди, и на таких островах описать реки, буде есть и пристани, и в каких местах где есть пресная вода, также в море камень, которые сыщутся под водою и поверх воды». Слова: «клима» означает климат, «пенинзули» — полуострова, «якорные земли» — места, удобные для стоянки кораблей.

² Текст этого (четвертого) предложения гласит: «и ежели оный проход до Китайских и до Японского берегов сыщется свободный, в том будет вашему государству великое богатство и прибыль, потому из всех государств, как из Англии, Голландии и из иных посылают во ост-Индию корабли, которые переходят линию (экватора.— Д. Л.) дважды, как они ходят вперед и назад обращаются, в которых местах от жаров множество у них людей помирает и от скудости провиантов, ежели они продолжают долго в пути; и по обретении оного станут желать ходить тем проходом».

Ф. С. Салтыков полагает, что, несмотря на мнение многих о невозможности «проходить за льдами некоторые места, но из вашего государства мочно опробовать», потому что «...в самых холодных местах мочно, чаю, что вешние и в летние месяцы чинить плавание» и опять подчеркивает, что пробу эту «невозможно никому иному так удобно чинить, как вашему величеству из вашего государства». Словом, он старается убедить Петра I в возможности плавания, в необычайной выгоды его и в том, что по самому своему географическому положению именно Россия предназначена выполнить это.

Такова только часть этого обширного проекта, к которому мы еще вернемся в другом месте.

О северо-восточном проходе думал и предлагал Петру I заняться этим делом не один Салтыков. Один из близких соратников царя Ф. И. Соимонов, так много сделавший в области изучения Каспия, передает свой разговор с Петром I на эту тему во время плавания на корабле (гукоре) в 1722 г. по Каспию.

Петр I, рассуждая о находке его деньщиком Поспеловым хорошей гавани, высказал мысль о том, что «это и все на свете новые места трудами обыскателей находятся и открываются». Воспользовавшись случаем, Ф. И. Соимонов высказал свою уверенность в возможности плавания Ледовитым океаном в Японию и Китай и в особо выгодном географическом положении России. Мнение это обнаруживает широкий географический горизонт и большие познания Ф. И. Соимонова.¹

¹ Разговор этот приведен Ф. И. Соимоновым в его труде, законченном в 1728 г.: «Екстракт журналов мореплавания и описания Каспийского моря, которое происходило в 1715, 16, 17, 18, 19, 20, 1727 г.» (опубликован в «Записках Гидрографического департамента Морского министерства», ч. X, СПб., 1852, стр. 551—552). Ф. И. Соимонов пишет: «...за удобный способ я рассудил вспомнить или упомянуть, что за долго в моей мысли находилось, а именно: о сибирских, восточных, приморских местах, о Камчатке и о прочих. И для того я, по окончании его величества речи к Поспелову о сыскании новых мест, так доносить начал: сколько Христофору Колумбу, потом и Америку Веспучию в сыскании Америки труда и опасности было, но не меньше того Голландцы и прочие, в купеческом их мореплавании, обходя кап Бона-Эсперанца (мыс Доброй Надежды.— Д. Л.), идучи в Восточную Индию, как труды, так и продолжительное время и донные претерпевают.

А как вашему величеству известно, сибирские восточные места и особенно Камчатка от всех тех мест и Японских, Филиппинских островов, до самой Америки по западному берегу остров Калифорния, уповательно, от Камчатки не в дальнем расстоянии найдется может, и потому многое б способнее и безубыточнее российским мореплавателям до тех мест доходить возможно было против того, сколько ныне европейцы почти целые полкруга обходить принуждены».

Чрезвычайно характерен ответ Петра I на эти соображения Ф. И. Соймонова: «...те мои слова его величество прилежно все слушать изволил, но как скоро я речь мою окончил, так скоро мне изволил сказать: «слушай, я то все знаю, да не ныне, да то далеко (разрядка моя.— Д. Л.), и хотя я намерил о том еще в рассуждение доносить... но его величество и одного слова мне выговорить позволить не изволил и скоро изволил мне сказать: был ли ты в Астрабатском заливе? И как я донес: был, на то изволил мне сказать: знаешь ли, что от Астрабата до Балха и Бодокшана (Бадакшана.— Д. Л.) и на верблюдах только 12 дней ходу? А там во всей Бухарии середина всех восточных коммерций. И видишь ты горы? Ведь и берег подле оных до самого Астрабата простирается. И тому пути никто помешать не может»¹ (разрядка моя.— Д. Л.).

В этих словах заключена и другая очень важная мысль, подчеркивающая значение для России в этом вопросе Средней Азии: она лежит ближе, путь туда удобней и там, по самому ее географическому положению, находится центр всей восточной торговли.

Поэтому-то решение об организации экспедиций, связанных с вопросом о морских путях в Индию и Китай, Петр I принял только в конце своего царствования. И даже первая реальная попытка осуществить эту цель была предпринята лишь в 1720—1721 гг. Между тем исследование Каспия и сухопутных и речных путей оттуда на восток упорно проводилось им, начиная с первых годов XVIII в.

Чрезвычайно интересные мысли о северном морском пути высказывал после смерти Петра I И. К. Кирилов в своей записке по поводу организации в 1732 г. второй экспедиции на Камчатку.²

И. К. Кирилов указывает главные цели, которые должна, по его мнению, иметь экспедиция: прежде всего «подлинно проведать могут ли Северным морем проходить к Камчатского или полуденного океана морям». При этом И. К. Кирилов сообщал, что «я, по исследованиям некоторых, конечную надежду имею, что могут». Далее — попытаться дойти от Камчатки до американских берегов и до Японии. «Везде

¹ Там же, стр. 552—553.

² Л. Е. Иофа в своей работе «Современники Ломоносова — И. К. Кирилов и В. Н. Татищев», М., 1949, стр. 18, напомнил, что записка эта впервые была опубликована в «Материалах по истории России», т. I, сост. А. И. Добромисловым, Оренбург, 1900. Частично ее опубликовал А. И. Андреев в статье «Экспедиция Витуса Беринга». — Изв. Всес. геогр. об-ва, 1943, т. 75, вып. 2, стр. 13, откуда и заимствованы приводимые ниже сведения.

сыскивать новых земель и островов и неподвластные сколько можно в подданство приводить». Искать металлы и минералы, производить астрономические «обсервации», определяя «подлинную длину и ширину», «историю о древностях и новостях и натуральную сочинить» и пр.

И. К. Кирилов считал, что русские неминуемо расширят свои владения в Тихом океане и торговлю с японцами и это выдвинет в качестве центра сибирской внешней торговли г. Охотск, благодаря выгодам его географического положения.

После этих замечаний о взглядах, существовавших в петровское время относительно северного морского пути, перейдем к рассмотрению вопроса об экспедиции, организованной по приказу Петра I в устье Оби и в Тазовскую губу в 1721 г. К сожалению, вполне точных данных о ней до настоящего времени не имеется. Однако есть много оснований считать, что такая попытка все же была.

Повидимому, первое известие об этом плавании появилось в сообщении французского посла в Петербурге Кампредона в декабре 1721 г. Упоминания о нем имеются также у Фонтенеля и Г. Ф. Миллера.¹

А. И. Андреев, специально занимавшийся этим вопросом, считает, что имеющиеся у нас случайные и отрывочные данные все же в полной мере подтверждают сообщение Кампредона. Таким образом, факт посылки экспедиции в устье Оби и в Тазовскую губу в 1721 г. должен войти в историю поисков прохода из Северного Ледовитого океана в Тихий. Попытка эта особенно важна потому, что была предпринята за 14 лет до 1734 г., когда аналогичная задача была поставлена перед одним из участников второй Камчатской экспедиции — Д. Л. Овцыным, выполнившим ее с большим успехом.²

¹ У Фонтенеля, в похвальном слове Петру I, сказано: «...царь восхотел узнать и о положении Америки, соединяется ли она с Татариею или был ли путь по северному морю к великой оной твердой земле. Сие отверзло б ему еще и новый свет. Из двух кораблей, отправившихся от Архангельского города, ... один остановлен льдом, а о другом нет и по сие время известиях» (И. И. Голиков. Деяния Петра Великого..., т. VIII, 1839, стр. 129).

Г. Ф. Миллер считал, что «Государь император Петр Великий изволил было, по некоторым известиям, указать сделать опыт сего путешествия с двумя кораблями, отправленными от города Архангельского через Белое море в Ледовитое море, но о том, что учинено, подлинных ведомостей не имеем». Таким образом, Г. Ф. Миллер был уверен в наличии, по меньшей мере, соответствующего распоряжения. (Географический лексикон Российской империи или словарь..., собранный Федором Полуниным с исправлениями и дополнениями акад. Г. Ф. Миллера. М. 1773, стр. 163).

² А. И. Андреев. Экспедиции на восток до Беринга в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века.— Труды Историко-архив-

Кампредон подчеркивал то обстоятельство, что торговля с Индией будет выгодна лишь тогда, когда найдут морской путь в нее, исключаящий необходимость совершать кругосветное плавание. Далее он сообщал, что Петр I уже послал в устье Оби сведущих людей для исследования вопроса о том, судоходно ли Ледовитое море в известное время года в этих районах и возможно ли здесь устроить порты. В благоприятном случае царь велит построить корабли, приспособленные к плаванию в этом море, по которому можно не более чем в два месяца достичь берегов Японии, тогда как англичане и голландцы, вынужденные совершать кругосветное плавание, употребляют на это полтора года. Кампредон полагал, что посланные с этой целью лица уже вернулись или во всяком случае прислали письменный отчет о своей поездке.¹

А. И. Андреев приводит ряд обоснованных соображений о реальности сообщения Кампредона.

Автор специального исследования карт Сибири XVIII в. G. Cahen обращал внимание на карту 1726 г., приложенную к «Histoire génealogique des Tartars», на которой впервые к югу от Новой Земли представлен большой залив — Тазовская губа. Берег затем идет прямо до Св. Носа. Сбоку — несколько островов, из которых на самом большом надпись: «Этот остров платит русским дань. Русские суда проходят здесь, чтобы итти в Камчатку». На карте указана и Камчатка. Тазовской губе и Камчатке даны соответствующие размеры.

Для составления этой карты были использованы русские источники, в частности, для той ее части, где изображена Обская и Тазовская губы, — карты геодезиста Чичагова, посланного в 1721 г. в Тобольск и в течение последующих 4—5 лет работавшего по описанию северной части Тобольской и Енисейской провинций и юга Западной Сибири. По мнению А. И. Андреева, Чичагов принимал участие в рассматриваемой экспедиции вместе с купцом «оберкомиссаром» Петером Миллером, «мужем искуснейшим в исследованиях по географии, истории и древностям российским» (потомком Марселиса). Миллер поселился в России еще с XVII в., владел здесь заводами и был одним из просвещенных людей своего времени.

ного ин-та, т. 2. М., 1946, стр. 195. Того же вопроса А. И. Андреев касается в своей статье «Первая Русская экспедиция XVIII в. в Северном Ледовитом океане». — Изв. Русск. геогр. об-ва, 1943, т. 75, вып. 2, стр. 57—58. Эти две работы и использованы в настоящем разделе для дальнейшего изложения истории экспедиции.

¹ Сборник Русского исторического об-ва, т. 40, СПб., 1884, стр. 422—423.

Экспедиция 1721 г. не имела успеха. Выйдя из устья Оби, судно (или два) даже не достигло Енисея, но плыло по Тазовской губе, благодаря чему о ней и появились новые географические сведения. Самым важным здесь является то, что этот эпизод подтверждает попытки Петра I пройти северным морским путем еще за несколько лет до организации первой Камчатской экспедиции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АМЕРИКЕ И ПОПЫТКИ ДОСТИГНУТЬ ЕЕ ЗАПАДНЫХ ПОБЕРЕЖИЙ

Помимо указанных выше мероприятий, касающихся северного морского пути, в петровское время предпринимались попытки достигнуть западных побережий Америки.

Прежде всего ознакомимся в самых общих чертах с характером сведений, имевшихся о северо-западной части Америки.

Еще в допетровской России сведения о «Большой Земле» — Аляске — по своей полноте и объему значительно превосходили те, которыми располагали в Западной Европе. Во время путешествий русских служилых людей по Чукотскому полуострову в начале XVIII в. были получены дополнительные, крайне интересные известия о близлежащей неизвестной «Большой Земле», являющейся в действительности Аляской. Речь идет о широко известных в специальной литературе показаниях якутского служилого человека Петра Попова.

По приказу Траурнихта, казачий пятидесятник Матвей Скребыка взял 2 сентября 1711 г. «...скаску Якутского казака Петра Ильина сына Попова, промышленного человека Егора Васильева сына Толдина, да новокрещенного юкагира Ивана Васильева сына Терешкина»,¹ отправленных 13 января 1711 г. «вниз по р. Анадыре» для сбора ясака с ясашных чукок. «А от устья Анадыря реки велено де ему, Петру, итти в Нос и проведывать немирных чукочь... призывать ласкою и приветом»,² собрать с них ясак, расспросить подробно, что, по их вере, является порукою в клятве, а также: «по каким они местам живут, по камням или подле моря, оленные или пешие и чем они кормятся и не значатся ли из того Носу, какие в море острова, и если какие острова значатся, и про

¹ Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю... СПб., 1758, стр. 200.

² П. С. И., т. I, № 108, стр. 457.

те острова спрашивать у тех носовых чукочь; есть ли какие на тех островах люди и звери, и какие они у себя имеют богатство. И... записывать в книгу имянно и той их Чюкоцкой земли написать чертеж». ¹ Как видим, требовались сведения о местонахождениях чукотских племен и их образе жизни, а также, как обычно, и о новых неведомых «землицах». Выполняя поручение, Попов добыл немало драгоценнейших данных.

«Немирные чукчи ему, Петру, с товарищи сказали: и прежде сего русские люди у них, Чюкочь, кочами морем бывали (разрядка моя.— Д. Л.) и в то де время они, чукчи, им, русским людям, никакова ясаку не платили, и ныне де платить не будем». Мы здесь имеем отголоски путешествия Федота Алексеева — Дежнева в 1648 г., что еще раз подтверждает факт прохода этими «мореходцами» пролива Беринга.

Затем даются сведения об оленных и пеших чукчах, менее интересные для нас в данном случае.

Далее Попов сообщил исключительные по своему значению сведения. Они не оставляют никаких сомнений в том, что речь идет об Аляске, на которой местные жители неоднократно бывали. Чукча Махачкин и его сородичи рассказали, что против Чукотского носа в одном дне пути от него лежит остров, омываемый водами Ледовитого океана и Берингова моря и называемый Большою Землею. Они дали достаточно точные сведения о жителях этого острова, о его флоре и фауне, показали Попову и его спутникам пленников с Большой Земли, а также изделия из леса, растущего на ней.

Ввиду особого интереса этого документа, приводим из него дословную выдержку, взятую из «Памятников Сибирской истории XVIII века» (кн. I, 1700—1713. СПб., 1882, стр. 458—459).

«Против того Анандырского Носу с обеих сторон с Ковымского моря и с Анандырского есть де значитца остров, и про тот остров подлинно ему, Петру, с товарищи сказывали Носовые Чухчи Макачкины с рѳдниками: есть де на том острову люди зубатые, ² а веры де иной всякой обыкности и языку не их чюкоцкова, особой, и из давних де лет и поныне у них, Носовых Чюкочь, с теми островными людьми меж собою немирно, ходят друг на друга с боем; а бой де у тех островных людей лучной и у чюкочь такой же. И он де, Петр, с товарищи тех островных людей у них, Чюкочь, взятых в полону видал человек с десять.

¹ Там же.

² Зубатые люди — эскимосы. Ковымское море — Ледовитый океан, Анандырское море — Охотское море.

А зубы у тех людей, кроме природных, есть вставленные моржевого зубья маленькие кости, подле природные, в щеках. А с того де Носу на тот остров летним временем в байларах веслами перебегают одним днем, а зимою на оленях налегке переезжают одним же днем. И есть де на том острове всякой зверь, соболи, и куницы, и лисицы всякие, и песцы, и волки, и розсомаки, и медведи белые, и морские бобры, и держат де у себя великие табуны оленей. А кормятца де они морскими зверями, и ягодами, и кореньем, и травою. И всякой на том острове есть де лес: кедр, сосна, ельник, пихтовник, листвяк. И тот островной лес он, Петр с товарищи, у них чюкочь в байдарах и в ветках и в юртах видели. А живут де те островные люди собою також, что де и они, чюкчи, и начальных людей у них никого нет. А в Носу зверя, кроме лисиц красных и волков, иного никакого нет, и того малое число, для того, что зверю быть в том Носу не у чего, лесу никакова нет.

А по смете Носовых оленных и пеших чюкочь Лушников с две тысячи и болше, кроме Анадырских решных, а решных человек с пятьдесят и болше. Островных де людей, применясь он же, Макачкин, и островные люди, которые у них чюкочь в полону, сказывали ему Петру с товарищу: есть де их при них, чюкчах, втрое и он де, Макачкин, на том острове бывал по многие годы в походах и называют они, Чюкчи, тот остров Большою Землею».

Сообщение Попова написано в сжатом и точном стиле официальных донесений, обычном в допетровское время XVII в. Наши «землепроходцы» весьма выгодно отличались в этом отношении от путешественников Западной Европы, не брезговавших украшать свои рассказы занимательными небылицами.

Правда, Г. Ф. Миллер в своей работе «Описание морских путешествий...»¹ приводит еще два рассказа чюкоч, отсутствующие в показаниях Петра Попова, опубликованных в «Памятниках Сибирской истории»: «...по сем следует и нечто баснословное, а именно: на помянутой земле будто есть люди, которые имеют хвосты, псовым подобные, говорят языком особым, часто между собой воюются, веры никакой не знают, платье носят такоеж соболе, лисье и оленье и питаются морскими зверями и дикими оленями. Да на той же земле якобы есть и такие люди, у коих ноги подобны вороновым и кожа на ногах такая же, и зимою обуви никакой не носят, а язык у них особый». Л. С. Берг в своих весьма ценных

¹ Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий... — Сочинения и переводы... СПб., 1758, стр. 204.

комментариях к этим известиям считает очень точным не только рассказ Попова, но и два приведенные выше сообщения чукоч.¹

Зубатые люди — эскимосы, ранее действительно подвергавшиеся нападению со стороны островных и азиатских эскимосов, а также, судя по рассказам Попова, и «сидячих» чукчей. Весьма точно обозначение американских эскимосов сидячими — оленей они не держали. Основанием рассказов о людях с псовыми хвостами может служить то, что «эскимосы по нижнему Кукоквиму и к северу от него нередко носят платье из шкурок сурков и сусликов, украшенное хвостами этих животных».

Труднее объяснить возникновение рассказов о людях с вороньими ногами. Л. С. Берг (там же) полагает, что поводом к этому могло послужить почитание эскимосами ворона. Тотем ворона, в виде его ноги, весьма часто изображался на различных предметах. Весьма вероятно также предположение А. В. Ефимова о том, что здесь речь идет о «вороньих лапках» — общепринятом названии нескольких лыж-ракеток, употреблявшихся многими племенами на Аляске.² Во всяком случае, мы имеем здесь дело не с «баснословными» рассказами, а с сообщениями, в основе которых лежат реальные факты. Эти сообщения свидетельствуют о наличии у чукчей и русских людей того времени некоторых сведений о жителях Аляски.

Так в начале XVIII в. были получены очень важные дополнительные известия о неведомой «Большой Земле» задолго до того, как сведения о ней достигли Западной Европы.

Правда, они затем затерялись в Якутском архиве и были извлечены Г. Ф. Миллером лишь в 1736 г. Но, бесспорно, о них знали, их использовали и в конце петровского времени. В частности, как мы это увидим далее, с ними ознакомился А. И. Чириков при подготовке первой Камчатской экспедиции.

Но сколько-нибудь определенных картографических изображений Аляски (как мы это увидим в разделе о картографии) в петровское время не имелось.

В истории русских попыток достичь Америки, предпринятых в царствование Петра I, необходимо отметить проект Прокопия Нагибина. Очень краткое сообщение о нем было приведено А. Сгибневым. «Мореход Прокофий Нагибин, находившийся в Анадырске, узнав о близости Америки от Анадырского мыса, просил в 1720 г. для исследования ее дать

¹ Л. С. Берг *Открытие Камчатки...*, стр. 52—54.

² А. В. Ефимов. *Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века.* М., 1948, стр. 135.

ему 200 человек команды и пряжи для сетей к заготовлению рыбы в морскую провизию, но, не получив требуемых средств, был убит в 1725 г. на р. Анадырке чукчами».¹

КАМЧАТСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Важнейшим мероприятием, связанным не только с вопросом о соединении Азии с Америкой, но преследующим, как увидим далее, гораздо более обширные цели, являются Камчатские экспедиции 1725—1743 гг., обычно неправильно называемые экспедициями Беринга. Описание этих путешествий, внесших огромный вклад в историю географической науки,² выходит из хронологических рамок, которыми ограничена настоящая работа. Но инициатором первой из них был, как известно, Петр I, а осуществление их представляет собою завершение географических исследований северо-востока Азии, предпринятых в этой области в петровское время. Поэтому необходимо кратко остановиться на вопросе о целях экспедиций и значении их главных участников — Беринга и Чирикова.

Известный соратник Петра I Нартов так описывает составление царем его знаменитой инструкции:³ «Я, будучи тогда беспрестанно при государе, видел сам своими глазами то, как его величество спешил сочинять наставление такого важного предприятия... и как он был спокоен и доволен, когда окончил. Призванному к себе генерал-адмиралу (Ф. М. Апраксину.— Д. Л.) говорил следующее: худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, т. е. о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенной путь, называемой Аниан, проложен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопасностью от неприятеля.

¹ А. Сгибнев. Большой Камчатский наряд (экспедиция Ельчина).— Морской сборник, 1868, т. 99, № 12, стр. 138.

² Камчатским экспедициям посвящено множество работ. Из числа советских исследований надо прежде всего указать на фундаментальный, неоднократно цитированный труд Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», М.—Л., 1946, а затем на сборник документов «Экспедиция Беринга», М., 1941, где имеется вводная статья А. Покровского и ряд ценных, впервые опубликованных документов; на статью А. И. Андреева «Экспедиции В. Беринга»,— Изв. Всес. геогр. об-ва, 1943, т. 75, вып. 2; книгу А. В. Ефимова «Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века», М., 1948.

³ Л. Н. Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом.— Зап. Акад. Наук, т. 67, кн. 2, прилож. № 6. СПб., 1892.

надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?».

23 декабря 1724 г. последовал знаменитый указ о назначении экспедиции, а 6 января 1725 г., за 3 недели до смерти, Петр I написал хорошо известную собственноручную инструкцию:

«1) Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2) На оных ботах возле земли, которая идет на Норд, и по чаянию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, где она сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений, или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной Кюст называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды». (В инструкции после слов «на оных ботах», видимо, пропущено слово: плыть. Кюст — берег).

В данном случае Петр I поручил Берингу, как это хорошо показал А. А. Покровский,¹ выполнение гораздо более обширных задач.

А. А. Покровский полагает, что несколько неясный указ ставил перед экспедицией две главные проблемы: 1) разрешить вопрос о том, где разделяются оба материка, и 2) проехать береговой линией американского материка до какого-либо европейского города. «Ближайшими европейскими владениями в Америке тогда считались владения испанские — в частности, Мексика и Перу. Доехать до Мексики — это требование находим и в указе 28 декабря 1732 г. Итак, конечной точкой поездки тогда — в 1724—1732 гг. — признавалась испанская Мексика. Все это выдвигает перед нами вопрос: каковы были тогда отношения России с Испанией?»²

Вопрос о торговле с Испанией рассматривается нами в другом разделе настоящей работы.³ Здесь же мы лишь отметим, что испанские владения в Америке с их изобилием золота и серебра привлекали внимание деятелей петровского времени и что вообще нельзя рассматривать эту экспедицию вне связи с общей политико-экономической обстановкой в России того времени. Прибавим к этому, что 11 мая 1725 г.

¹ В книге «Экспедиция Беринга». — Сб. документов. Подготовил к печати А. Покровский. М., 1941. Ст. Покровского «Беринг и его экспедиция».

² Там же, стр. 21.

³ См. раздел, касающийся торговли.